

Я ВЕРНУЛСЯ

Оглавление

Репортаж 1	2
Репортаж 2	5
Репортаж 3	9
Репортаж 4	14
Репортаж 5	18
Репортаж 6	21
Репортаж 7	25
Репортаж 8	30
Репортаж 9	34
Репортаж 10	38
Репортаж 11	41
Репортаж 12	46
Репортаж 13	50

Репортаж 1

Угловое окно на улице Мориса Тореза. Девятый этаж. Сентябрь. Красное дерево на горизонте. Когда же я в последний раз видел осень? Санкт-Петербург, заброшенный кинотеатр под домом, вокруг него строятся три чеченских киоска. Вот эта реальность, в которой мне жить. Другой нет. Другой не будет. Девятнадцать лет назад я уехал. Двадцать два года назад я в первый раз пересек порог ОВИРА, а сегодня по черновикам ползет Божья коровка, красные пятна на черном фоне. Непонятно, как она к нам влетела: казенные окна забиты и не открываются. Я чуть не принял ее за муху и хотел убить ее Спорт-экспрессом, но спохватился. Это нормальная спортивная газета, но Кафельников и Курникова уже вылетели с US Open, и мне там больше нечего читать. Я выбираю теннисиста и слежу за турниром, только пока он остается в живых. Но знакомых уже остается мало. Я три месяца в Питере и еще не встретил ни одного знакомого человека. Поднимаешься вверх по эскалатору, и сплошной рекой идет поток незнакомых мне людей. Ничьих глаз до этого я никогда не видел. У меня цепкая зрительная память, я бы запомнил. Нет ни продавщиц, ни нянечек, ни моих больных, ни здоровых, ни пьяных, ни мильтонов из вытрезвителя - никого из этих людей я не знаю. В основном я смотрю на молодых девчонок, и через месяц я делаю первое серьезное открытие: я начинаю понимать, почему я никого из них не узнаю. Самым ногатым сейчас от двадцати одного до двадцати четырех лет. Когда я уезжал, им было от года до трех, я их не узнаю просто потому, что они очень изменились! Я боялся, что на улицах мне будет страшно, но мне не страшно. И им не страшно. Сначала мне все казались красавицами, но постепенно я почти к ним привык. Только после Израиля у всех очень длинные ноги. На конкурсы красоты в метро можно набирать несколько независимых команд. Сашка Верник прилетел из Днепропетровска, долго крутил носом и сказал: "Да, это нечто". "Это славянский тип, - сказал он, - но в Днепре таких нет". Через неделю ему возвращаться в Иерусалим, и он заранее тоскует по славянскому типу. По тому, что жизнь кончится, деньги кончатся, останется только квартира в Гило бет, душная, как барсучья нора. Сашка занимался на Украине преступным делом: он вербовал людей в страну, в которую он уже сам не верит.

Я не тоскую, мне не снятся улицы Иерусалима, Рим или Калгари. В Калгари тоже были красные деревья, но славянского типа там меньше. Я не верю, что сегодняшние ленинградки могут оставлять кого-нибудь равнодушным, но Гек Лукьянов сказал: "Знаешь, мне не до них, лучше бы я выпил". А мне всегда раньше было до них. Странная штука - время. Это как, знаете, уедешь из этого города в русско-японскую войну, скрипит по снежку офицерье, а потом возвращаешься - и кругом сплошная комсомольская сволочь. А ты все тот же. Смотришь на длинноногих девчонок и называешь их "существо". Вот еще идет "существо" - это не просто красавица, это красавица-плюс, неземное существо из другого мира. Раньше такие не водились, и нигде в мире таких красавиц нет.

Может быть, по городам Европы понаехало миллион наших отборных проституток, но мне они на глаза не попадались. В Израиле проститутки совсем другого типа. Это крепкие девчата из Белоруссии. Они все после техникума и хорошо поют. В обеденные перерывы из мастерских к ним торопятся жуткие одноглазые слесаря-арабы. У арабов всегда один глаз, но допускать их до себя комсомолкам очень неприятно. Половина еще больно кусается. Как бы научиться писать без "самоцензуры"? Хочешь написать "блядей" и не пишешь, потому что неудобно. Хочешь написать, что одноглазые арабы человечнее израильтян, но тоже неудобно, потому что не так поймут. Но они все равно человечнее - они коварные и подлые, но у них естественные ценности жизни, которые мне понятны. Но я не левый, я был не левый. Сейчас я никакой. Даже если к власти придет Зюганов, я встречу его сахарной улыбкой. Я не верю в демократию с человеческим лицом. Я не верю в счастливое общество потребителей, и оно отвечает мне взаимностью. И остается верить в личную судьбу, в то, что селедка должна жить в своей стае. Мне целых двадцать лет было не добраться до своей стаи. Воскресенье. Солнце заливает угловое окно. Солнце справа в районе Ижорского завода. Я еще не был на заводах. Я еще не был даже у себя в больнице. Один раз я попал в трамвайный парк и удивился, что в пять часов утра люди уже работают. И перед нашим домом по утрам ездит сенокосилка и стрижет газоны. Скорее всего рабочий зарплаты не получает. И водитель троллейбуса зарплаты не получает. Но в четыре часа они выходят из дома и добросовестно идут на работу. Это чудо, которому объяснений быть не может.

Пожилая женщина подметает наш девятиэтажный дом, но мы все равно оставляем ключ под ковриком. В Израиле этот фокус у меня не проходил: всегда, когда я оставлял ключ под ковриком, нас немедленно грабили. Правда, было видно, что я выезжаю на своем тендере на работу и дома никого нет. А здесь у меня нет машины. На дорогу выезжать не хочется. Это чужая дорога, к которой мне пока не привыкнуть. Водители не останавливаются на переходах, и старушки торопливо выскакивают из-под колес. Мою знакомую на глазах гаишников на переходе сбил охранник на "мерседесе", но этот парень не является на суды, и сделать с ним ничего нельзя. Нейрохирургам заплатили шесть тысяч долларов, но остается еще дырка в черепе, которую невозможно закрыть, потому что нет денег. Мы пятый день в стране. Трехлетний Федька катит по тротуарам на роликах, и прохожие восхищаются или бранятся. Федька ездит с года и стоит на них очень прилично. Сорокалетняя женщина вдруг начинает визжать: ходить еще не умеет, а родители не имеют головы и на колеса ставят. А я отвечаю жестко: "Молчи, дура!" Эти слова вырываются из давно забытых глубин. В этот момент я отчетливо понимаю, что я на родине.

Журнал "Постскриптум". Статья Топорова о том, как поэтический Петербург делит трон Бродского. Саня Лурье был редактором журнала, но статью пропустил и "Ахматовская четверка" смертельно обиделась. Суть статьи в том, что после смерти Бродского среди лилипутов началась склока, кого теперь из

самых высоких лилипутов следует считать Гулливером. Кто примет флаг из похолодевших рук Бродского и понесет его дальше умирать на В.О. И Топоров честит их какими-то специальными лилипутскими кличками. Особенно Кушнера, который метит в знаменосцы. Я не понимал только, почему же их всего четверо - ахматовцев. Ситуация складывалась как у битлов, то есть было четверо, но один ушел, а еще один был у них барабанщиком. Я сначала думал, что барабанщиком, как Гаррисон, был Рейн, но он приезжал в Иерусалим со стихами, значит тоже он из певцов. И был еще один глуховатый Нейман, который останавливался в Иерусалиме у Лазаря. Неймана я встречал, я даже спросил его, правда ли он видел живого Ленина. И он сделал очень важно бровями. Бродский был пятым или даже четвертым. Но если четвертым, то при чем здесь Кушнер, потому что был еще Бобышев, у которого был короткий роман с одной из моих жен, и она говорила, что он очень красивенький. Может быть, Кушнер был как апостол Павел. То есть он вошел в апостолы позже, вместо кого-то из уехавших. Может быть, вместо Бобышева. И Топоров все это обсуждает очень по-хамски и с правом, потому что он сразу заявляет, что его мама была адвокатом по делу Бродского, и он тоже был у истоков. И от тона, конечно, сильно тошнит. Хоть понятно, что он прав. Похоже, что за права на мертвого Бродского была большая склока и за то, кто теперь первый поэт империи, тоже была склока. Но главное, что Топоров говорит своим омерзительным тоном много точных вещей. Типа того, что вручение зарубежными придурками Нобелевской премии - это не повышение, а еще какое понижение в ранге. И не надо особенно повизгивать, когда тебя куда-то выбирают. Но видно по тону, чтобы он тоже не прочь бы быть в четверке. Но его не взяли, потому что они не брали критиков, а только чистых поэтов. Сам я с Бродским не встречался. Но Рыжий один раз сказал, что будет Бродский. Взял у меня на день мелкашку, и настрелял около Казанского полсотни самых крупных голубей без орнитоза. И для Бродского их долго ощипывал. Бродский тогда еще не сидел. Поел он хорошо, но стихи читать отказался. Просто поел голубятины и ушел. И Рыжий был тогда, до армии, еще совсем другим человеком. Я на голубей не пошел и сейчас об этом жалею, но мелкашка была стопроцентно моею.

Мы делаем ремонт в своей коммунальной квартире, а пока снимаем общежитие для аспирантов. У нас отличная коммуналка, но разменять ее не дает сосед Василий Иванович. Василий Иванович - это мой народ. Ради него я стремился на родину. Ради него я больше не хочу продавать родину, уже напродавался. А вот Василий Иванович не хочет продавать свою коммуналку! Напротив баня! По средам бесплатный день для пенсионеров и инвалидов. Я представляю себе, как они радостно толпятся около бани, с тазиками, и решаю по средам вообще из дома не выходить.

Я первый раз в театре. Молодежный театр на Фонтанке. Идет "Стакан воды" Скриба. Моей жене, профессорской дочери Женьке, нужно написать для театрального журнала две статьи в актерский номер - про мужскую и женскую

роль. И она в метро пытается рассказать мне о спектакле, но всю дорогу мы торгуемся из-за масштабов Шекспира и Чехова. Дался им этот Чехов. Я говорю ей, что если она считает, что Чехов равен Шекспиру, то она может со мной вместе больше не жить и снова считать себя невестой.

Нас с невестой проводят через служебный ход, но до начала еще четыре минуты, и я бочком отправляюсь в какой-то закулисный актерский туалет. Похоже на бомбоубежище, но довольно уютно. В туалете две закрытые двери, но в левой уже кто-то сидит, а в правой совершенно нет света, и я оставляю себе узкую щелку и застываю от ужаса. В левом туалете громко шепчутся двое мужчин. Один из них прикрикивает и на чем-то настаивает, а второй говорит: "Никогда не позволю, никогда не позволю, никогда не позволю!". Я знал, что я вполне могу обойтись без театров, чего-нибудь такого я от них и ожидал. Я вообще слышал про ленинградские театры, но это уже слишком. Когда я наконец мою руки и поспешно сбегая в коридор, левая дверь открывается и из нее вырывается довольно общипанный лысоватый мужчина в гриме. Краем глаза я замечаю, что больше в туалете никого нет. Видимо, это и есть Женькин герой, и я бегу рассказывать ей, как актеры настраиваются на роль. Это очень живая деталь для театрального журнала, но она отмахивается и не хочет меня слушать.

Я в театре из молодежи самый старый, есть еще несколько старых козлов похожего возраста, все с молодыми дамами. Я смотрю на них с брезгливым раздражением. И это называется Театром молодежи, интересно, что происходит в театре для пожилых?! Весь первый акт я уверен, что Женьке нужно писать о герцогине, и пытаюсь ею увлечься, но у меня не очень получается. У герцогини красивая грудь и плечи, но очень провинциальный выговор. К тому времени, когда выясняется, что писать нужно про королеву, герцогиня мне уже почти нравится, но я быстро отрабатываю задним ходом. Кстати о герцогине: если вам попадется индийский чай "Принцесса Гита", то ни за что не покупайте, хоть он и дешевый. Полдоллара за сто граммов. Это такой веник, что бывает только в Фонарных банях, а еще пишут "расфасовано в Индии".

Трехлетний Федя спрашивает, скоро ли мы вернемся в Иерусалим. Я отвечаю, что нужно дождаться снега. Поедем после снега.

Когда выпадет весь снег на земле, я хочу вернуться в Иерусалим.

Репортаж 2

Утро. Солнце слева, над Ижорским заводом. Каждый день оно заходит с новой стороны. Позвонил Лазарь Дранкер. Он в Москве. Живет в гостинице по двести пятьдесят долларов за ночь. Через пять дней должен быть у нас. Чего-то всех сюда потянуло. Саша Верник позвонил трагическим голосом и сказал, что он здесь, в этом городе, который он "нежно любит". Я ему говорю: "Пожалуйста, без патетики, увольте меня от этих соплей". Почему-то у некоторых людей катастрофически не хватает вкуса. Мы договорились встретиться на мосту у

Дома книги. На этом месте в моей жизни было несколько серьезных свиданий, и я вспоминаю о них, пока Верник не выплывает из метро. За тридцать рублей предлагаются экскурсии по рекам и каналам, но мне не нужно никаких экскурсий, я уже все видел, я просто стою. Это были судьбоносные свидания, и через тридцать лет вспоминать о них не следует. Я рассматриваю двух длинноногих дылд, которые качаются на парاپете. Посмотрим, будут ли вас так остро помнить через тридцать лет. Меня раздражает мысль, что мои любимые стали бабушками, скоро их будут пускать в трамвай без билета. Они даже удивятся, что кто-то может рассматривать их в виде сексуальных объектов. Верник прерывает эти мысли, и мы поднимаемся на второй этаж Дома книги. По дороге он что-то лопочет мне про дружбу и про то, что, расставаясь на годы, мы должны где-нибудь вместе пообедать. Я предлагаю ему скромно поесть в пельменной, а пока покупаю ему на вечную память пять томов Малахова про мочу. Второй этаж похож на книжный склад в Кремлевском распределителе. Все современные русские авторы выходят в таких толстых обложках, что из них можно делать офицерские сапоги. Я беру несколько наугад и наконец останавливаюсь на стихах Нины Искренко. Она единственная пишет против потока и в основном про мочу. Она умерла от рака. Перед смертью пила много мочи. Если бы Бродский написал хоть одно стихотворение про мочу, я бы стал к нему теплее относиться. У Малахова тоже два тома натуропатии про мочу, но все дико серьезно. Наконец мне надоедает эта тема, и я веду Верника в "Минутку". Когда-то там продавались гениальные пирожки с морковкой и с яйцом. А бульончик и кофе заливали из ведра. Играешь всю ночь в покер на улице Плеханова, 6, где как раз Бродского кормили голубями, а потом натрескаешься пирожков и снова идешь немного поиграть.

Но "Минутки" больше на свете нет. Вместо нее открыт Макдональдс. Чистенько так, что неподготовленного человека может вырвать. Но говорят не по-американски, а по-русски. Это нам не подходит. Мы идем дальше к Мойке и доходим до музея восковых фигур. Рядом во дворе есть пельменная, пельмени американскими быть не могут. Но Верник начинает жаловаться, что ему тут жарко. Это действительно пельменная трактирного типа, и зимой такая домашняя пельменная сойдет "на ура". В этой пельменной снималась центральная сцена "Крестного отца", когда Майкл стреляет в полицейского капитана. Называется она "Луна адзурра". Вот точно такой же бачок в туалете, за ним укрепляли двадцать второй калибр, но Вернику бачок не нравится. Он не просто сволочь, он резидент Сохнута на Украине. Я выдаю его, но осталось всего две недели его сионистских полномочий, и я уже не могу ему особенно навредить. Мы опять выходим на Невский, аппетит пропал. Навстречу идут два мильтона в черных беретиках, и один из них просит у Верника документы.

Я с удовольствием рассматриваю эту картину. Верник явно нервничает и долго ищет свои бумаги. Наконец он их находит. А виза? Я советую Вернику не писать кипятком, хлопаю его по спине и всячески подбадриваю. Перетрухал паренек. Но тут один из милиционеров просит показать документы и меня.

Повторяется ситуация из "Трое из одной лодки", когда автор долго смеется над Джорджем, у которого в реку упала рубашка. Но потом выясняется, что это рубашка не Джорджа. Я вспоминаю, что мой русский паспорт в двадцать первом отделении милиции на Бестужевской, которое уже наверняка закрыто по поводу субботы. А с собой у меня есть израильский паспорт. Строго говоря, у меня их с собой даже два. Но вот к ним у меня нет никаких виз. Потому что в Ленинград я въезжал "как свой", виляя хвостом на таможне и помахивая российским паспортом. Квиток, что мой паспорт на оформлении, я с собой тоже взять забыл. Идет, сгущается пятница. Четыре часа. Паспортный стол не будет работать до понедельника. Выслушивая мои нервные объяснения, мильтоны похамливают и вызывают машину. Потом меня аккуратно обыскивают и говорят, что я арестован. И для разбирательства буду отправлен в милицию в переулке дедушки Крылова. Это очень известное отделение: туда раньше из туалетов Пассажа таскали баб-фарцовщиц. Верник стоит глубоко подавленный. Едрена матрена - сейчас бы сидели спокойно, жрали пельмени и заливали их уксусом. Начинается. Меня забрали два молодых сержанта. Один из них, поретивее, похожий на передачу "Четыре татарина", воспитывает меня на ходу, говоря, что нельзя так часто менять гражданство. Он совершенно прав. Это у меня генетический дефект. Мы идем по Невскому, но не в наручниках, и на нас с любопытством поглядывают прохожие. Здравствуй, родина! Верник трусит за нами и жалобно просит меня отпустить. Или хотя бы разрешить ему с нами поехать. "Четыре татарина" жестко ему отказывает. Верник понуро уходит в переулок дедушки Крылова. Подъезжает милицейский фургон, еще два молоденьких сержанта в беретиках. Может быть, это Омон! Я не хочу, чтобы мною занималась заурядная милиция. Сейчас меня затолкают в воронок и будут топтать ногами. Я закатываю глаза к небу и, как Васисуалий Лоханкин, готовлюсь к неминуемым страданиям. Приехавшие сержанты осматривают мои документы и внимательно меня выслушивают. Потом они оборачиваются к ретивому сержанту "Четыре татарина" и очень брезгливо говорят ему: "Ты что, охуел? Чего ты к человеку пристал? Ясно же тебе русским языком объяснили!" Я свободен. Я снова стою возле Дома Книги и пою гимн вечернему солнцу. Я захожу за Верником в милицию, но настроение у нас уже испорчено. И мы начинаем мелко переругиваться. Только бы он не запел свои песни про антисемитизм. Ведь это из-за него меня в конце концов забрали. Его приняли за чеченского шейха. Кому нужны задрипанные иерусалимские поэты, у которых нечего взять кроме четырех килограммов желчных камней, омрачающих его поэзию. Мы на всякий случай, чтобы избежать слезки, заходим по объявлению в маленький музей рептилий на Литейном. В маленькой однокомнатной квартире по стеклянным шкафам рассажены крокодилы. Если бы я был крокодилом, я был бы этим очень недоволен. С другой стороны, если крокодил вылупился здесь из яйца, то он, вероятно, думает, что это и есть жизнь. Что весь мир - это только стеклянный аквариум на Литейном. Бедняги. Я сидел в таком аквариуме больше пятнадцати лет. Главное, что когда ты в конце концов из

аквариума сбегает, то выясняется, что за корм ты должен им столько, что тебе еще до смерти не расплатиться. Анаконда с грохотом плюхается в воду, и мы с Верником, не попрощавшись, расходимся в разные стороны.

Хорошо бы его посадить в этот аквариум как последнего сиониста на Земле. Я иду в сторону Кузнечного рынка. В детстве я читал стихотворение "Дом переехал", и оно передо мною: Владимирского проспекта на свете больше нет. Его вырыли метров на семь в глубину. Я такого еще не видел ни в одном городе мира. Вырыли от Невского и до Колокольного, где на углу живет Норка Салитан. В глубине Иерусалима есть такие экскавации одиннадцатого века. Там на такой же глубине находят целые кварталы. Но на Владимирском приют убогого чухонца не обнаружен. Я специально смотрел. Хорошо еще, что не докопались до метро. В городе нет ни одной целой дороги, но, как мне объясняют, на одной из улиц вдруг решили сделать бесшумный трамвай будущего. Я долго от удивления верчу головой, даже начинает болеть шея. Мне нравится будущее.

Моя жена, профессорская дочь Женька, просила меня зайти на Кузнечный рынок. Мы много ссоримся - у нас молодежные отношения. Ее родители приблизительно моего возраста, и они очень раздражены, что она за границей вышла замуж за пожилого рабочего. Еще они сердятся на то, что я не хочу работать врачом и у меня нет пиджака. Но я все-таки иду на рынок. "Ах, какое мясо, ах, какие помидорчики, Господи, какие ноги, как можно спокойно на них смотреть. А какой творог пластами, в сметане стоит ложка, коричневого цвета. Подсолнечное масло издает подозрительно волшебный аромат. Знаем, знаем, из какого оно Ставрополя, хорошо бы не из самого Чернобыля. Но как все вкусно, огурцы, ягода малина, картошечка оредежская, наша из Ленобласти, сто двадцать километров всего, по два рубля". Кстати, "ножки Буша", которые мы зажарили вчера дома, оказались натурально американскими. Наверное, старые запасы, лендлизовские. Но тоже очень вкусно. Действительно, в этом городе особенная атмосфера, в Израиле от курятины меня тошнило.

Ситный рынок - это азербайджанская мафия. В картошечке зарыты автоматы. А Кузнечный рынок тоже какая-то мафия, но некого спросить какая.

Десятилетние дети поют в лифте: "Чтобы член стоял Кащей, навари ты, бабка, щей!". Я еще побаиваюсь детей, говорю им "Вы" и не поворачиваюсь спиной. Я вернулся на родину, чтобы заниматься проблемами раннего развития, но эти уже развились.

Яня - моя племянница. Она пожила в Израиле десять месяцев, но ей очень не понравилось, и израильское гражданство она брать не стала. Теперь она учится на психологическом факультете. Она спрашивает меня, как ей выйти замуж. Я говорю ей, что обязательно надо прочитать Гамлета. Я сделал ей целый список, четыре пьесы и Гилилов "Игра об Уильяме Шекспире". Я объясняю ей, что для культурных людей это одна из самых необходимых книг века. Яня спрашивает, а можно ли прочитать только три пьесы. Я отвечаю, что, конечно, можно, но если ее интересует качество, то нужно четыре. Пока она не прочитает Гамлета, я

прошу ее мне не звонить. Яня подозрительно спрашивает, а не случится такого, что если она прочитает все эти книги, то ей "уже не захочется замуж?" Яня - прирожденный психолог.

Туалетная бумага в Петербурге стоит одну шестую часть доллара. В Израиле на рынке можно купить за три доллара двадцать четыре мотка. Это получается одна восьмая доллара за моток, но она мягче и быстрее кончается. Меня очень интересует эта проблема. Если бы современники Вильгельма Завоевателя и Конфуция описывали, что у них служило туалетной бумагой, и почему они ее брали, мы бы лучше представляли себе ход мировой истории. Я делаю записи для грядущих поколений: в Иерусалиме, в двух верстах от Храма, новые поколения избранного народа продают туалетную бумагу по двенадцать центов моток.

В газете "Аргументы и факты" скандальное обращение Тополя к еврейским миллиардерам. Оно довольно провокативное. Хотя смысл его вполне гуманный: евреи, жертвуйте на народонаселение, на котором удалось так подняться. Я бы тоже обратился, но не через газеты, а личным увещательным письмом: евреи, подайте на раннее развитие детей, а то вся эта страна подохнет от нищеты. Но обращение через газету грозит погромами. Мы пока не переезжаем: Василий Иванович, наш сосед по коммуналке, наклеил на пол. Анька позвонила, взбешенная, и сразу перешла на английский: "He is shitting all around. Never in my life I am planning to clean somebody's shit!" Я отвечаю ей, что я занимаюсь этим всю жизнь. Но меня душит гнев: человек проводит двадцать лет на чужбине, подкапливает деньги, чтобы купить комнату в коммунальной квартире, и Василий Иванович гадит там на пол.

Мне пора дать отчет, почему я пишу. Моя старая большевичка мама считает, что вся эмиграция началась из-за меня. Это не так. Я и сейчас никому не советую ни уезжать, ни возвращаться. Оставайтесь там, где вы есть, и поменьше двигайтесь. Рыжий говорит, что для возвращающихся создан специальный город, называется "Мудоград". Почему за границей такая духовная пустота, но никто не серит на пол! Поразительный феномен.

Я позвонил одним людям, которых я хорошо знаю, и они позвонили другим людям, и через день мне дали ответ, что за триста долларов Василий Иванович переехать захочет. Еще будет умолять. Только бы они его до смерти не забили. К черту эту достоевщину, мы живем в жестком мире, и мне нужно на что-нибудь решаться.

Анька говорит: я не пойду в уборную, я потерплю до утра.

Репортаж 3

Для чего я вернулся?

Мне говорят, что возвращаться в Россию сегодня могут только идиоты. Для них хотят сделать специальный город, называется "Мудоград".

Трехлетний Федя спрашивает: "Почему в России так воняет в лифте?". Я ему

отвечаю, что, во-первых, не "воняет", а пахнет. А во-вторых, не обязательно ездить на лифте, если тебе не нравится. Заграница очень разлагает даже трехлетних людей. Они долго не понимают, что они за границей. Понимание приходит позже. Но главное, что ничем особенным не пахнет. Его кто-нибудь подучил. Вот раньше пахло, а сейчас просто пахнет людьми, пахнет социалистическим общежитием.

Меня начала узнавать продавщица в молочном киоске. Она спросила сегодня, почему я без своих гавриков. Я решаю наведываться только в этот киоск, чтобы укрепиться в ее молочном сознании. Я вернулся писать о молочниках, я чувствую себя учеником фламандской школы. Я вернулся немного пописать, мне осточертело носить на лямке заграничные стиральные машины и холодильники. Я пишу две повести, роман, работаю над пьесой и двумя сценариями. Скорость работы фантастически маленькая. Чтобы кончить все, что я задумал, мне нужно еще двадцать семь лет. Поэтому я не собираюсь ничего кончать, а пока пишу еще несколько брошюр и монографию по раннему развитию детей. Я увлекся этой темой, потому что, если ты часто производишь на свет детей, у тебя не остается другого выхода. Потому что должен же тебя кто-то кормить на старости. Поэтому я выбрался в эту нищую страну, чтобы, как Мартин Лютер Кинг, заниматься просветительством. Но через месяц я выясняю, что в стране уже есть один Мартин Лютер Кинг. За десять лет работы он наводнил страну своими таблицами и кубиками, по которым дети начинают читать в четыре года. Происходит это всего за неделю. Американцев, с которыми я ношусь, он опередил лет на двадцать. Я понимаю, что предо мной стоит гений. Он напоминает мне автомат Калашникова, который стреляет абсолютно в любых условиях. Но как это получается, никто, даже сам Калашников, толком объяснить не может. Моего гения зовут Зайцев. Я видел сотни писем из каких-то городов, которые не существуют на свете: Лангепас Тюменской, Бор Нижегородской, Дудинка Красноярского, где четырехлетние дети целыми детскими садами читают и считают в пределах сотни. Потом начинается столкновение со школой. Школы не готовы терпеть в своих стенах гениев. К семи годам все зайцевские дети легко оперируют четырехзначными числами и понимают суть, ну, скажем, двоичной системы. А в школе им предлагают сорок пять минут сидеть молча, не двигаясь, да еще первые сто уроков "просидеть" в первом десятке.

Собственно, мне уже надоело писать о детях, и я решаю немного отвлечься на секс. За два месяца я не видел еще ни одной проститутки, может быть, я не знаю, где смотреть. Я не понимаю, где искать ночные клубы, но туда все равно не пускают в тренировочном костюме. Если купить приличный костюм, то можно стать экскурсоводом по ночному Ленинграду. С каким наслаждением я пишу слово "Ленинград". Я мог бы вести экскурсии на четырех языках. В таких мечтах я провожу полдня. Потом моя жена, профессорская дочь Женька, обрывает меня каким-нибудь бестактным замечанием. "Мне кажется у меня задержка", - говорит она. "Может быть, у тебя будет девочка!" - "Я тебе такую

девочку покажу! Ты хочешь, чтобы я сидела дома и выполняла твои сексуальные прихоти. А я хочу полноценно работать!"

Даже слушать противно.

Полдень. Дети возвращаются из школы с бантиками. Второе сентября. Я встретил одну немолодую хромую женщину, кажется, это девчонка с моего или следующего курса, я не стал допытываться, а она меня не узнала. Я чувствовал себя портретом Дориана Грея. Жизнь прошла. Все-таки за рубежом женщины стареют медленнее.

Василий Иванович после скандала вымыл туалет хлоркой. Видимо, мы все-таки переедем в коммуналку.

Анька допытывается, что я такого сказал Василию Ивановичу, что он стал мыть за собой уборную. Мне нечем гордиться, я всего лишь совершил стандартную ошибку, за которую Василий Иванович обязательно меня накажет. Василиям Ивановичам нельзя угрожать, этим их можно спугнуть.

У Аньки неприятности в еврейской школе: ее поймал директор в коридоре со стаканчиком чая и назвал ее наглой израильтянкой. Теперь она требует, чтобы я пошел в школу и выкинул его в окно.

"I won't let anyone talk to me like that". Я советую пожалеть старого хасида.

Я предлагаю ей получать аттестат в Израиле, но она говорит, что еще потерпит.

Анька учится в еврейской школе, потому что мы не можем выправить ей визу. Сейчас у нее нет еще двадцати шести нужных справок, документы не на тех языках, и нет справки из Боткинских барачков об отсутствии СПИДа.

Меня знает и читал Анькин преподаватель литературы. Я дико смущаюсь и начинаю молоть какую-то чепуху. От инфаркта Ельцина мы переходим к убийству Рабина. Я говорю, что на таких постах любой политик сразу теряет человеческий облик.

Я читаю наизусть стихотворение на смерть Рабина, которое ходило в списках, учителя литературы оно чрезвычайно удивляет.

Убили товарища Рабина,
Прострелили насквозь его грудь.
И жена его - старая жабина -
Тоже сдохнет когда-нибудь.

В Израиле ни для кого не секрет, что нервный юноша, которого посадили, стрелял холостыми патронами. Что скорее всего Рабина добил некто, чья рука, закрывающая правительственную машину изнутри, четко видна на фотографиях. Что машина с раненым Рабиным "затерялась" в Тель-Авиве и шофер премьер-министра начисто забыл прямую дорогу в больницу. Все это напоминает историю Кеннеди и всегда будет покрыто мраком. Первый отчет из больницы гласит, что стреляли спереди и в упор. Потом все отчеты внезапно исчезли. Но Рабин все-таки симпатичнее своей жены. Это единственная страна в мире, где

мужчины всегда лучше женщин. Когда я вспоминаю Израиль, я вспоминаю его целиком под спиной. Я лежу под своим груженым тендером, вокруг гудят на шоссе грузовики, и подо мною сразу весь Израиль, маленькая точка на карте.

Больше всего мне хочется погрузиться в Мертвое море. Я смогу это сделать, только достигнув пенсионного возраста. Пенсионеров за мифические долги не сажают.

Не доезжая до Массады, до летней резиденции Великого Ирода, лечь плашмя на воду и почувствовать себя вечным!

Моей племяннице Яне Мертвое море не понравилось, она сказала, что это "отвратительная соленая лужа". По отношению к Мертвому морю вы сразу распознаете, кто еврей. Попробуйте запустить туда Жириновского. Но вообще-то берег Мертвого моря принадлежал Исаву, если вы помните про чечевичную похлебку. Жириновский может оказаться из колена Исава.

В Иерусалиме живет Марек Тоет. У него абсолютная временная память. Он помнит каждую секунду своей жизни, все, что с ним происходило, погоду, номера машин и сколько он выпил. Он помнит, что на сегодняшний день встречал вас на улице двести двенадцать раз, из которых двенадцать раз вы не разговаривали, а просто кивнули ему из окна машины. Абсолютная временная память - это самая бесполезная память на свете. Все предлагают Мареку выступать в цирке, но ему там совершенно нечего показывать. Он помнит все номера машин в автопарке города Овруч, где он работал диспетчером. Я всю жизнь обещаю Мареку включить его в какой-нибудь текст, но у меня не получается. Если у вас есть спрос на Марека, то я могу дать его адрес и телефон. Он охотно к вам приедет и все вам запомнит.

Федя спрашивает, когда мы вернемся в Иерусалим. Дался ему этот Иерусалим! Он говорит, что ему очень хочется вернуться в нашу квартиру и поехать в наш супермаркет. Я не в состоянии объяснить трехлетнему ребенку, что никакой квартиры уже нет в помине.

Моя жена, профессорская дочь Женька, отправилась в театр Додина по контрамарке. Мест не было, и она устроилась на ступеньках сцены, откуда ее благополучно выгнали в фойе. Она пришла домой заплаканная и уже второй час рассказывает мне про театр Додина. Я слушаю ее в пол-уха, потому что я не люблю голубых и Женька мешает мне сосредоточиться: "Аркаша Коваль подружился с Алкой в трудную минуту своей жизни, когда он ушел из театра и из семьи и опустил на дно. Он неплохой актер, но это трудно разглядеть, потому что играет он всегда очень маленькие роли. С больших он слетает. У Алки всегда такие кавалеры. А Додин, когда репетирует спектакль, назначает на каждую роль несколько человек, и они "соревнуются". У него принцип: "незаменимых нет". Додин обращается с актерским материалом, как художник с красками: смешивает их на своей палитре. Даже если играешь хорошо, но чем-то провинился, тебя могут с роли снять. Пусть даже ты для этой роли родился... Так вот, репетировали они огромную чеховскую "Пьесу без названия", в которой пятьдесят действующих лиц, потому что пьеса не закончена и для сцены не

предназначалась. Аркаша должен был сначала играть Войницева-старшего. И репетировал. Но Додин его вымарал. Потом - Войницева-младшего. Но Додин его тоже сократил. И так постепенно из спектакля исчезали все персонажи, которых репетировал Коваль. В конце концов, до премьеры в Германии дотянул он роль доктора Трилецкого (его играет в фильме "Механическое пианино" Михалков). И на завтра немецкие газеты вышли с его портретом и рецензенты написали, что именно он, Аркаша, стал главным героем нового русского спектакля. А Додин этого успеха не планировал и ему не обрадовался. Мнительный же страшно! Он подошел к Ковалю и сказал: "Извини, старик. Искусство требует жертв". И вымарал Трилецкого. И вот тут-то Аркаша и опустил на дно жизни". "Так ему и надо, - говорю я, - и нечего шлаться в этот театр". Но моя жена Женька меня не слышит. История еще не закончилась.

"Но дружба с Алкой его реанимировала настолько, что он даже пригласил ее на спектакль, в котором должен был сыграть четыре роли. Но не сыграл ни одной. Пришли они в зал, а там все битком набито, все ступеньки заняты и мест нет. "Что же это, - возмутился Аркаша, - я не только не играю, но даже и посмотреть не могу?!" Но в первом ряду сидели студенты Додина, которые себе купили билеты по пятьдесят рублей. Они Аркаше уступили свои места, потому что артисты театра для додинских студентов - как олимпийцы для простых смертных. А после спектакля на поклонях Додин увидел в зале Ковалю, выбежал к нему и назначил его на пятую роль, которую он теперь и играет. Правда, в очередь с другим актером. Понравилась история?" Додина я бы распял на березах, но Женьке говорить об этом нельзя. Потому что я грубая бесчувственная скотина и не понимаю тонкого развития. И это отчасти правда, я не очень люблю театр. Особенно сейчас, когда я седьмой день голодаю. Это не страшно, и есть не хочется, но без еды ужасно маешься. Сделать бы сейчас бутербродик и выпить чашку кофе. Но головой я понимаю, что надо терпеть, и тогда, поголодав, можно будет съесть много бутербродиков и выпить очень много чашек кофе!

Мне советуют лечиться перекипяченной мочой. Это эликсир здоровья. Мне объяснили, что моча - это не страшно. Она еще недавно была моей душой, то есть кровью. То есть - это моя перекипяченная душа. Пока Женька была в театре, я поставил душу кипятиться и забыл о ней, заговорился по телефону. Я не хочу упоминать той, из-за которой я забыл на огне кастрюлю. Я опомнился, когда уже запахло. Я открыл все большие окна аспирантской гостиницы, видимо, их раньше никто никогда не открывал. Их пришлось открывать все шире и оставить на весь вечер, пока Женька пыталась попасть в театр. Я открыл дверь на лестницу, но все равно пахло. Этого не объяснить. Когда к нашему этажу подъезжал лифт, я прятался за прикрытой дверью. Пах каждый шкафчик. Эликсир здоровья пропитал всю квартиру. Я стал искать адрес и телефон Малахова, чтобы с ним посоветоваться. Наконец Женька приехала и стала крутить носом. Я сказал, что если она откроет рот и скажет одно слово о странном запахе, то это скандал и навечно порванные отношения. Я чувствовал

себя слишком уязвимым. Если бы вам так перекипятили душу. На следующий день запах эликсира здоровья еще присутствовал на лестнице. Может быть, конечно, только у моей души такие странные свойства, но будьте с голоданием по Малахову очень и очень осторожны. Я понимаю теперь, почему в Ленинграде так пахнут лестницы.

Но страх подворотен и темных лестниц почти прошел. Даже ссаных, как в прекрасном фильме "Окно в Париж". Там нашего парижанина, завязав ему глаза, проводят через заколдованную дверь из Парижа прямо на ленинградскую вонючую лестницу. И он спрашивает: "Ты куда меня привел? В сортир?" Но люди шарахаются друг от друга на лестницах, даже днем. На каждой лестничной площадке много собак. В очереди у магазина стоит пара ройтвелеров или призовых бульдогов. Человек, торгующий кормом для собак, должен разбогатеть, как Маргарет Тетчер, на крысином яде.

Я вернулся на родину. Сегодня я получил свой первый гонорар, который состоял из квадратной баночки с фаршированной щукой. Этот иудин приз я получил за то, что вдохновенно рассказывал об Израиле. Хорошее и плохое вперемешку. Занятие это бесполезное: плохое - никого не пугает, а хорошее - никого не интересует.

Господи, до чего же я серый: выяснилось, что Коломна в Петербурге, я был убежден, что она под Москвой. Я еще не побывал в Коломне, я еще не побывал на Сахалине и на Чукотке. И ничего еще не надоело.

Репортаж 4

Рубль продолжает падать. Днем позвонил Рыжий, торжественно откашлялся и сказал, что, конечно, двадцать лет на Западе, может быть, и не прошли для меня бесследно, но к нашим реалиям я пока еще не привык. В частности, я не знаю, что существуют узловые дни, например, первое каждого месяца или понедельники, когда может произойти ВСЕ, и, одним словом, я должен взять всю имеющуюся у меня дома наличность и купить на эти деньги белков, углеводов и жиров, потому что завтра, особенно если Черномырдина снова прокатят, не будет уже ни углеводов, ни жиров, ни мыла, ни спичек, то есть вообще ни хера не будет, а будет повторение 92 года, когда со всех полок, "пока ты нежился в своем еврейском государстве", - сказал он с упреком, исчезло все съестное, кроме морской капусты. "Там очень много йода", - машинально заметил я. Вообще-то, у самого Рыжего отец Александр Ефремович был очень крепким евреем, "юристом" был не хуже, чем у Жириновского, и я устал уже всем доказывать, что всегда во все времена евреи считались по отцу. И если раввины, которым мы во всем остальном не верим, и считают по-другому, то ход еврейской истории это переломить не может. У Моисея все жены были нееврейками, у царя Давида половина жен были гойками, у царя Соломона нееврейками были все. И хоть раввины и утверждают, что их потомство отделено от еврейского народа, но мы-то с вами взрослые люди и хорошо

понимаем, что цари свое потомство никуда особенно отделить не дадут. И Рыжий просто ехать в Израиль побаивается, чтобы его там не засосало. Все-таки я решил, что морской капустой питаться не готов. Кроме меня, про углеводы Рыжий позвонил еще моей племяннице Яне, которая по его требованию, лениво вышла из дома и на Четвертой Красноармейской начала делать закупки на зиму. Она купила литр топленого молока и хотела еще на всякий случай купить курицу, но курица была какой-то зеленоватой и несвежей, и на этом ее закупки кончились. А Герка Соколов вообще идти за продуктами отказался, ссылаясь на то, что он живет один с котом и хромает. А если что, так он ко мне будет приходить поесть горячего супа. И я взял с собой пятьдесят долларов, большой синий станковый рюкзак, который я стащил в Иерусалиме у своего последнего хозяина, и поехал на Сенную площадь. Дальше действие происходило по тексту "Робинзона Крузо". Моё любимое место в романе, отвечающее моей сущности куркуля, когда Робинзон Крузо возит с погибших кораблей разные полезные вещи. Робинзон сделал плот, связал его веревками и поехал на Сенную площадь. И вот что мне удалось привезти себе в пещеру во время первой поездки. Пюре из кабачков - три банки, производство Румынии, сгущенку вологодскую, город Сокол, знакомое местечко, я там лежал, симулируя кишечную непроходимость, перед службой в Балтфлоте. Сгущенка без сахара, Латвия, баловство к утреннему чаю, но под нее нужно иметь отдельную кухню. Индийский мед из Мадраса, 500 граммов, норвежские ананасы из Таиланда 1 банка 227 гр. Сказка - плитка "шоколадного вкуса с орехами" по заказу фирмы "Русский шоколад" - вы замечаете, что все слова как прежние, но при этом совершенно новенькие. Кофе жареный в зернах, сделано на Московском проспекте, 114, ячневая крупа в целлофановом мешочке без названия, глубинный блокадный голод, еще двадцать голодных лет у Робинзона впереди, только ждать Пятницу и трахать коз.

Это все, что мне приходит в голову при виде ячневой каши. А что если она прорастет? Свекла нарезанная, слабокислая, 3 руб. 60 коп. банка. 200 гр. жареных миног в маринаде. Яблоки с черноплодной рябиной, протертые, нет срока хранения и места изготовления, цена в первом поясе 50 коп., видимо, еще "горбачевцы". Молоко шоколадное из г. Купянск Харьковской области. Если кто из Купянска, то его там производят на улице Ломоносова, 26. В Калифорнии много из Купянска, американцы их почему-то сразу узнают. Но и мы вас, господа из Калифорнии, тоже научились узнавать! В Мариинке, в Эрмитаже и в Русском музее на входе стоят специальные билетеры, которые должны выявлять иностранцев, проходящих по русским билетам. Меня один раз чуть не раскололи, и я понял смысл выражения "постарайся прикинуться валенком". Валенки, кстати, на Сенном не было, а вот молочка три баночки я взял, покушенькаем в конце зимы, оно еще долго не испортится. Лечо "Веро", Неаполь, улица Кавур, 79, харчова цінність почему-то на украинской мове. Бывали мы на вашей улице Кавур! Одно ворье живет, как и во всем вашем Неаполе. Горох лущеный фирмы "Ангстрем", страна происхождения Украина.

Гречка с "кукинг дирекшенз", даже написано "buckweat", английскую мову можно по гречке изучать. Срок годности 99 год, страна происхождения Украина. Зеленый горошек 425 гр., из Италии, "пиколиссимо", меньше уже не бывает, срок годности 31.12.2000, мы его там под елочку в 2000 и сожрем, если до этого не протянем ноги. Именно в этот торжественный момент, когда мы будем вскрывать зеленый горошек, должны накрыться кое-чем все компьютеры мира. До этого момента нужно успеть все напечатать и распечатать. Горчица "Григорий Распутин" с фотографией и стихами "От всех напастей излечиться поможет вам моя горчица. Накрутит хвост чертям в аду ее могучий русский дух!" Отпад, у меня аж прямо все зазвенело! Очень солидные стихи, думаю, что это кто-то из ахматовцев. Годность до 15.05.98, просрочен уже русский дух на пять месяцев, сволочи подсунули. Майонез провансаль 250 гр. Санкт-Петербург, Масляный пер., 8. Кетчуп "Летний сад" 500 гр., где произведен, можно только догадываться. Кажется, я перешел на содержимое уже второго плота. Если вы помните, один из плотов затонул, но Робинзону удалось большую часть содержимого спасти. Кальмар натуральный, Новгородский рыб.хоз. Этот город известен своими кальмарами! Соус Хрен или "Дульсиор хреновый", из-за границы, страны нет, но есть факс 49-622222062. Если будете заказывать, можно поискать в желтых страницах. "Виола" - восемь порций с блондинкой, лет тридцать назад такие картинки висели в коммунальных туалетах. Шпроты в масле "Пищевик", масло очень подозрительное. Говядина рубленая 440 гр. "Люпак" из Голландии, суп "дары моря" из Барселоны, имени Стоичкова, думаю, что дрек. Сельдь в пряно-чесночной заливке, тоже просроченная, банка течет, где у Робинзона были глаза - неясно. 3 штуки. Свинина "Люпак", тоже 440 гр., поди проверь! Еще 415 гр. из Holland, всего 855 гр. говядины на зиму. Между прочим, все европейское - по лендлизу ни одного грамма. Кальмаров нужно срочно есть или дарить. Уже сильно просроченные. Можно накормить Анькиного учителя физики, он вечно приходит голодным. Икра лососевая, 4 банки, город Петропавловск-Камчатский, улица Вулканная, 8. У Брюллова даже есть такая картина: он идет по улице Вулканной и тянет на себе ящик с рыбными консервами. Я не помню, где она висит. Вообще, зимой в гости очень прилично будет ходить с консервами. Бабы набирают по мешку соли, может быть, это дворничихи?! Я чувствую себя зажиточным немцем. Меня зовут Клаус, мне теперь не страшен никакой голод. Хиль поет по радио про лесорубов, он будет петь нам свои бодрящие песни до самого конца света! До чего же я люблю слышать песни по местной сети! "Любовь прошедшая, листва увядшая..." Как же нужно натерпеться за границей за двадцать лет, чтобы все это уже три месяца вызывало у меня такой восторг. "Как же было нам хорошо и куда все ушло, куда?"

Женька, что там у нас с театром?

"Когда у Додина репетировали "Пьесу без названия", у Шестаковой и Курышева никак не получалась любовная сцена. Шестакова - это жена Додина, она вообще истеричка и в каждой роли проливает немыслимое количество слез.

А тут она говорила, что не может с ним играть любовь, потому что он слишком высокий и ей к нему не пристроиться. "Пусть он встанет на колени!" И когда Курышев опустился на колени, оказалось, что он все равно выше Шестаковой. Она, рыдая, убежала со сцены и целый месяц отказывалась репетировать, пока Додин не придумал бассейн прямо на сцене, в который засунули Курышева, так что у него только голова торчала. А Шестакова лежала на песке, и так они играли эту сцену".

В Питере настоящий театральный бум. Актеры ничего не получают, какие-то жалкие крохи. Ставка Алисы Фрейндлих около семисот рублей - сегодня это долларов пятьдесят, а у молодых актеров вдвое меньше. Но в половине театров аншлаг. Билеты стоят порядка доллара, но можно пройти дешевле. А хлеб не стоит ничего. Рубль двадцать полкирпичика. Но это настоящий хлеб. Плохо, если не будет сливочного масла, эстонского или в крайнем случае вологодского, но он и без масла замечательный. В Иерусалиме черный хлеб в магазинах "Клим и Слава" - очень скучный. Хороший хлеб делал Володя Хлебник. Если вы иерусалимец, то вы должны были его пробовать. Хлебника еще знают как Володю, "который не садится". Сейчас он работает грузчиком на перевозках, но вообще-то он театральный режиссер и кончил "Щуку". Но он не может жить как люди. До Иерусалима он был евреем-крестьянином в Ленинградской области и подарил Ленгорсовету свою коммунальную комнату. Весь Ленгорсовет высунулся, чтобы посмотреть на такого идиота. Но самый идиотский шаг он совершил в прошлом году. Грузчиком он несколько лет работал по-черному. Так вот он сосчитал, сколько за эти годы он должен государству налога, получилось пятнадцать тысяч. И он послал эти деньги по почте налоговому управлению. В руки они отказались принимать, надеялись, что он одумается. Это был первый случай в истории Израиля, что кто-то без требования присылает пять тысяч долларов этим прохиндеям. Ему все ребята грузчики говорили, что уж лучше отдал бы детскому дому. Так нет, говорит, детскому дому я должен отдать свои, а это деньги государства! Как будто он найдет другие пять тысяч для детского дома. Редкий мудака. Одно слово - "щука". По этому вопросу я ничего больше добавить не могу.

Я брожу по Большому проспекту и задыхаюсь от счастья. Так в 38-м году борцы "за возвращение на родину" улыбались в столыпинских вагонах. Тонкие кривые ноги никогда раньше не казались мне такими обольстительными. Я уже сто лет не был в постели с русской женщиной! "Да, да, - говорю я своей жене Женьке, - ты еще маму вспомни! Тем более что, может быть, ты беременна. Ты не хочешь поехать рожать в Израиль?" "Я тебе поеду! Женишок!" - отвечает она. Ограниченная женщина. Она ко всему относится слишком буквально.

И все-таки можно ли выжить? Если будет субсидированный хлеб, то да. Мы возвращаемся к фантастической простоте. Счастье - это когда есть хлеб. Лучше брать кирпич, круглый не покупайте.

Репортаж 5

В сберкассах нет рублей. Так и написано: "Рублей нет". Стоит очередь, ждет, что явится какой-нибудь идиот с пачкой рублей. Может быть, он захочет купить себе здесь доллары. Может быть, ему нужно ехать в командировку в Бангладеш, и ему выдали на компрессорном заводе толстую пачку рублей. Я решаю ехать дальше и менять деньги на базаре у турков. "Покупаем тонны жратвы, но это все как слону дробинка", - говорит женщина в коричневом берете. Я меняю деньги по не очень высокому курсу и покупаю себе пять баночек шпрот. Раньше я обожал шпроты. Сейчас меня от них поташнивает. Люди спокойны. Женщины женственны и ногасты. Социального бунта нет. Еще пару часов я продолжаю патрульный полет по городу. Афиши мужского балета. Миленькие козлы в розовых пачках. Из любопытства я бы посмотрел минуты полторы-две, но из-за двух минут не хочется тратить деньги. "Да и имеет ли это отношение к балетному искусству", - высокопарно думаю я. В глубине души я боюсь, что меня могут в зале изнасиловать. Но моя жена, профессорская дочь Женька, говорит на это, что у меня ложное представление о ценности моей персоны. Она не представляет, чтобы лицо любого пола могло бы мною увлечься, но на свободу она меня при этом не отпускает. "Все-таки, кажется, я беременна!" - с возмущением докладывает она. "Может быть, это судьба!" - "Презервативом надо пользоваться, а не судьба, ты специально меня бесишь!"

Как некстати я женился! Тем более вернувшись на родину! Нас расписал сам консул, потому что без этого из Израиля не удавалось вывезти детей, а я мечтал, что мне удастся дожить до конца дней неженатым. Теперь я даже не имею права смотреть на женщин! Я должен рассматривать афиши с этими козлами. В метро темновато, но каждая вторая женщина читает. Русские женщины - это и есть моя родина. Я начинаю представлять себе, что я сын Людмилы Зыкиной, что я "русское поле". За два месяца меня никто еще не назвал "жидом", правда, к старости я стал больше похож на норвежца. Но норвежцем меня тоже никто не обзывает. Но мама у меня стопроцентная еврейка. Она уже пять лет не выходит из дома, и ее возят в кресле, но настроена она очень решительно. Её очень раздражает, что я делаю запасы. Она говорит: "Только не сей паники!". Но все-таки за день я постоял в трех очередях. У Кушелевки висит громадный портрет Данаи. Кажется, она рекламирует радиотелефоны. "Классная девка. Но очень толстая!" - говорит мне парень, который продает копченую колбасу. "Баксы" он называет "баками". Копченая колбаса по четыре бака. Колбаса лежит на картонном ящичке. Накрапывает мелкий дождь. Даная держится за половые органы и не понимает, что через много сотен лет ее рассматривает какая-то сволочь. Поставьте себя на ее место!

Я еду к Герке, чтобы одолжить у него наличные рубли. Он держит их в томике Твардовского. Рубль так стремительно падает, что еще немножко, и деньги в Твардовском превратятся в пыль. На встречной ленте эскалатора ни одного знакомого лица. На Петроградской стоит мой институт. И я никогда раньше не

мог подняться наверх, совершенно никого не встретив. Наверное, так долго не живут. Господи, какие ноги, какие губы! Можно потерять сознание.

Герка не сделал никаких запасов. Придется кормить его, когда начнется голод. Через две недели приедет моя дочь Даша и привезет израильские бульоны. Но я не знаю, до какой степени нужно оголодать, чтобы начать их есть. В связи с обвалом рубля мне непонятно, платить ли триста долларов за Василия Ивановича. Очень дорого! Я решаю пока не давать окончательного ответа. На набережной около института Крупской каждые двадцать метров стоит по паре гаишников. Что они тут могут заработать? Может быть, гаишники возьмут за Василия Ивановича поменьше. Интересно, отменили ли Крупскую, я давно о ней ничего не слышал. Я постригся наголо под машинку, но с каждым годом в тазу остается все меньше волос. Наверное, я стал чаще стричься. "Толстому" Котлярову сделали операцию на железе, и он оброс, как "волосатый человек" из анатомии для восьмого класса. Или из девятого. Когда в тазу совсем не останется волос, я тоже сделаю себе операцию на железе.

Мы пока не переезжаем, нет воды. Нечем будет мыть за Василием Ивановичем. Можно пустить новые трубы вдоль здания, но они должны быть утепленными, и это на шестой этаж встанет в копеечку. Анька очень хорошо адаптируется. Зашли водопроводчики, потому что из ванны вода капает на соседей, и что-то ей сказали. Она на это открыла рот, а они резонно послали ее на хуй. Она звонит мне в бешенстве и говорит: "You know what they said?" Я говорю: "Ань, я знаю, я все знаю на сто лет вперед!"

Уже несколько дней мы ничего не едим. Во-первых, не до этого, а во-вторых, жалко - это запасы на зиму. Есть абсолютная вера в свою страну, понятно, что никогда лучше не будет и все старания твои не напрасны.

Стою в очереди за хлебом и начинаю нервничать. Хлеб обещают подвезти, но это специальное стояние! Я уже так давно не стоял со своей страной в очереди за хлебом.

Вечером удалось наменить еще немного денег, и я зашел в аптеку. Анальгина не было, и я купил на полтора доллара мешок женских подкладок из города Котлас. Хоть я профессиональный акушер-гинеколог, но с этим у меня из-за врожденной деликатности всегда были проблемы. Я не знаю, как этими подкладками пользоваться. Моя жена, профессорская дочь Женька, сказала, что это подкладки на случай войны. Это специальный проект г. Котлас, их надо прикреплять к трусам крупными булавками. "В Америку бы послать!" - думаю я мечтательно.

"Познакомлюсь навсегда с состоявшимся мужчиной. 193232 СПб до востр. Воронова". Объявление из газеты Шанс.

Говорят, что Черномырдин - Черномырдин по жене. А не по жене он не Черномырдин, а немец. Может быть, Шульц или Кнопф, а жена мордовка Черномырдина по отцу. А теперь еще и по мужу.

Федя едет в метро и бормочет: "Хочу в Иерусалим!" Иногда мне удастся отвести разговор в сторону. Я уже не помню ни одного номера телефона, я

забыл свой номер машины. Меня там посадят за банковские долги, какие-то проценты на проценты. Перед тем государством у меня нет никаких заслуг! Они не ценят, что я нарожал там детей и внуков, половина из них служит в израильской армии, пощадите! Я столько раз лжесвидетельствовал: я делал евреями русских и эстонцев, казахов и латышей! Чуть-чуть, Федька, потерпи, вырастешь и поедешь, куда захочешь. Осталось четырнадцать лет. Или потерпи хотя бы до снега.

Начинается фестиваль Балтийских театров. Якуты привозят Короля Лира, а эстонцы из Тарту Гамлета. Я пойду на Лира. Я так живо представляю себе, как он сидит на санях и курит трубку, а якутские гонерильи делят между собой чумы. Хорошо бы все люди на свете были якутами и всегда шел снег. А то приходит весна, ты начинаешь на что-то надеяться, а впереди все равно холод, тоска и смерть.

Богородской колбасы взял четыре палки. И гомельские спички из-за картинки. Написано просто: СПИД. И ни слова больше.

Книга Костелянца о теории драмы. Человеку девяносто лет, он насквозь глухой, и вдруг в книге открываются целые позитивные шекспировские миры.

Люди все изменились. Наташка Сафронникова говорит: "Может быть, ты забежишь ко мне на работу?" Дело в том, что пока был жив Лешка, я заходил к ним домой. Меня никому не приходило в голову приглашать на работу. Мой друг Дима Слободинский не верит, что люди могут меняться. Он говорит, что люди как старые футбольные мячи - из той же кожи, тот же рисунок, правда, обшарпанный. И хуже отскакивают.

Люда Старицина побыла месяц и возвращается в Израиль, и Саша С. побыл несколько месяцев и возвращается. В кино сегодня нечего делать. Мои дети возвращаются - разорилась компьютерная фирма. Я объясняю им, что в Иерусалиме стоит мой незакрытый тендер. Может быть, его еще не оттащила полиция. Плевать, что он не закрывается, на нем еще можно заработать море денег по семьдесят шекелей в час без грузчика. За холодильник не берите меньше ста сорока. Господи, как мне хочется оттащить на шестой этаж холодильник. Я завидую им нестерпимой черной завистью. Как мне хочется заработать сто сорок шекелей. Машина в приличном состоянии, только забрызгиваются свечи. Свечной ключ под сидением. Я не оставил лямки. Жесткие черные лямки, на которых я ношу мебель. Это моя последняя связь с единственной профессией, которой я сегодня владею. Я больше ничего не умею. Я уже забыл, как выглядят скальпель и кюретка. Мои мечты вернуться в операционную повисли в воздухе. Пусть придет к власти Зюганов, пусть все будут жрать одних миног и морскую капусту, но я не вернусь. Хочу ли я в лагерь? Я не люблю, когда люди рассуждают об этом в теплых туалетах. Понятно, что из лагеря очень потянет на Канарские острова. Ну и что из этого? Был такой в Венгрии легендарный футболист Пушкеш. Он ушел в 56-м из Венгрии и много лет таскался по Европе. Вот он сказал, что единственное счастье, которое он испытал в жизни, - это быть дома. Лучше мне не объяснить.

Все время очень хорошо кожей. Может быть, это пройдет, когда кончатся все деньги. И в сытую Данию я не хочу. Мне вреден датский воздух. Я хочу, чтобы меня похоронили здесь, на проспекте французского коммуниста Мориса Тореза, и сделали мне надгробье из банок отечественной сгущенки, которую мне довелось сварить и съесть. Пойду-ка я, кстати, сварю еще одну баночку: батареи не топят, и необходимо серьезно готовиться к зиме.

Репортаж 6

Якутский театр. За доллар я иду смотреть Шекспира. За доллар я бы пересмотрел на якутском весь бессмертный репертуар. Это всего тридцать семь долларов или сто сорок восемь шекелей. А сонеты можно прочитать уже на русском. Перед театром Ленинского Комсомола якутская тусовка. Очень крепкие ребята, похожи на немигающих Голиафов. Я понимаю, что, когда они пять лет назад шли на русских с кольями, это были серьезные события. Главное, что им сразу удастся распознать, кто не якут. Японцы говорят, что у японцев не узкие глаза, что это только европейские выдумки. Но у якутов глаза очень узкие, их вообще незаметно. Непонятно, как в темном зале они вообще могут следить за действием. В очереди в гардероб передо мной стоит якутка фантастической красоты. Вообще в Театре Ленинского Комсомола дикое количество якутов. Я думаю, что никто никогда не видел столько якутов вместе. Может быть, только на празднике оленеводов Севера. Я начинаю чувствовать себя якутом. У меня даже мать - якутка, она курит трубку и смачно ругается матом. Я представляю себе, что вернулся сюда из времени на специальном космическом корабле, а вокруг одни якуты. Девушку в очереди я спрашиваю, существует ли вообще литературный якутский язык. Я спрашиваю не для того, чтобы к ней вязаться, а просто мне интересно. У нее тонкие якутские губы и очень кругленький якутский лобик без морщин. Может быть, вот это - моя судьба. "Моя судьба" говорит довольно раздраженно, что у всех народов есть свой язык, и якуты, видимо, не являются исключением. Но сама она совершенно не якутка и совершенно ничего про якутов не знает. Это мне не подходит.

На сцену выходит гражданин-министр республики Саха Андрей Борисов. Он же, по совместительству, худрук театра Ойунского, но говорит какие-то глупости. Потом выходят устроители фестиваля Балдом и говорят, что это фестиваль планетарного значения. От худрука республики Саха я решаю отталкиваться: вот так выглядят настоящие якуты, в гардеробе, наверное, была чистопородная казашка, для них оскорбление, если их принимаешь за республику Саха, хоть я ничего в этом стыдного не вижу. У меня в кармане израильский паспорт, я бы с удовольствием поменял его на Сохо вместе со всеми моими долгами. Министр культуры Якутии дарит Балтийскому дому бочонок для кумыса. Непонятно, кого они станут доить. Потом выходит народный артист Игорь Дмитриев и начинает манерно выламываться. Он говорит, что искусство - это ниша. И мы должны в ней по возможности

отсидеться. Еще он сообщает, что он готов на этой сцене поиграть, он не против даже, пожалуйста, с якутами.

Открывается занавес.

На сцену выходят человек семь пожарников в шкурах. Из царской ложи, из которой убили Линкольна, раздается рев дракона. Моя жена, профессорская дочь Женька, преподает в институте предмет "запись спектакля", и я стараюсь утереть ей нос. Из глубины сцены выходит существо неопределенного пола, похожее на певца Леонтьева в сапожках. Оно оказывается непосредственно королем Лиром. Делает "ууууу". На переднем плане два офицера Балтийского флота с кортиками, которые говорят "гур, дур, дур", значит язык все-таки есть, советская власть его не истребила. Зря я волновался и спрашивал о нем казашку. Вокруг строительные леса. Художника спектакля нужно усыпить. Сцена похожа на эшафот или на опалубку перед заливкой бетона. На трех веревках сушатся цветные индийские презервативы. Все актеры одеты в разнообразные наряды, у кого что было, но у всех меховая оторочка и обязательный лисий хвостик. Выходят три ослепительной красоты длинноногие дочери Лира. Среди безумного шумного текста я распознаю первое знакомое якутское слово "Коределия". Это она. Длинных ног совершенно не видно, но они угадываются. На голове у старших дочерей золотые тотемные знаки, а у "Коределии" на голове серебро. Появляется сильно переигрывающий шут, который все время рыгает. Я понимаю, что нахожусь в татарской орде. Никто этого и не скрывает, прежде всего художник. Роджер Мэннерс, граф Рэтленд, был бы потрясен судьбой своего детища. При этом краем сознания я отдаю себе отчет, что я дешевый сноб и для Shake-speares любая сегодняшняя постановка была бы одинаково нелепой.

Неожиданно две старшие дочери начинают протяжный плач. Может быть, я вообще попал в оперу. Ведь есть же Евгений Онегин в виде оперы и в виде драмы. В центре сцены сиротливая дверь, около нее стоят два погонщика в цирковых фраках, кажется, что они сейчас вызовут иллюзиониста. Король Лир - Леонтьев мечется по сцене и кого-то ищет. Все-таки это не опера. Еще король похож на Мишу, который жил в нашем доме на Гражданке и упал с шестого этажа прямо на голову. Он был в командировке, всю ночь играл в преферанс и до своего номера добирался по карнизу. С него он и сорвался. Но почти ничего не случилось, только повредил себе немного один глаз. У Миши была кличка "сперматозоид". И он тоже сегодня на сцене был бы не лишним. Но он сейчас уехал в ФРГ, и бывшей жене и детям его все время там приходится разыскивать. Но я лично представлял себе Короля Лира по-другому! Шута, я думаю, следует совершенно упразднить: не могут все на сцене одновременно быть шутами. В Орду является два рыцаря, может быть, это Глостер и Кент, в пьесе такого не было, но это мелочи. Оба просто в костюмах из местной филармонии. Я не понимаю, это якутский стёб или они так себе представляют англичан. Лир бежит по сцене и все время что-то напряженно кричит. Может быть, это Хан Тахтомыш, мне сегодня рассказывал о нем телефонный мастер. Он проработал у нас четыре часа и теперь телефон соединяет только в одну сторону. Мастер

вообще собирался стать социологом, и у него много оригинальных идей о татарском нашествии. Он уверен, что все ханы были русскими князьями. Тахтомыш, по всей вероятности, это сам Дмитрий Донской. У них сходятся даты рождения, и только одному Дмитрию Донскому было выгодно поджечь Москву. "Хорол джуганин, бараган", - кричит король Лир очень гневно. Компьютер не узнает таких слов и подчеркивает их красной полосой. Так ему и надо! Я ему сейчас еще что-нибудь напишу по-якутски. Я понимаю, что в своей мизантропии покушаюсь не только на весь уважаемый мною якутский народ, но и на святая святых - текст Шекспира. Мне всегда очень не нравится король Лир. Унылый и тщеславный неврастеник. Но якутского Лира необходимо унять. Я сам чувствую себя Лиром: в день приезда моя старшая Гонерилья выгнала меня из моей собственной квартиры на Гражданке, но идентифицировать себя с этим типом я не могу.

Я думаю, что Регана - все-таки полукровка, у меня болезненная страсть к полукровкам. Со старшей сестрой они долго перетягивают ковер в своем чуме и о чем-то визгливо злословят. Приходит Эдмонд. Он появляется в белом курортном костюме и в соломенной шляпе, как актер Боярский на гастролях. Зал замирает. Игорь Дмитриев не зря ломался, что "хорошо бы тут мне что-нибудь сыграть, но меня не отпускает Банионис", он ничего бы на сцене не испортил. Мог бы сыграть кого хочешь, даже "Коределию". Говорил бы "дыр, быр, дыр", никто бы ничего не заметил. Все-таки якутский - это язык средней красоты, но я был уверен, что англичан так же раздражает, когда играют по-русски. Мне мешает, что все актеры играют в цивильной одежде, только очень несвежей, и с морскими кортиками. Но у Бутусова в "Калигуле" все римские патриции тоже вылезают из помойки. Таинственный режиссерский ход. Король Лир вдруг сказал "доллари", очень отчетливо.

Вероятно, актеры говорили вообще о своем, не по пьесе, о том же, о чем говорила вся страна. А в зале были одни казахи, которых я сначала принимал за якутов, и они тоже не бельмеса не понимали. А настоящие редкие якуты были с театром Ойунского в сговоре.

Почти все действие происходило на эшафоте из свеженькой доски. В Якутии мало корабельного леса, и это могло символизировать "богатскую" обстановку. Эдмонд пробежал по сцене с двумя хохочущими шлюшками. Но, может быть, это был Освальд, нужно посмотреть по пьесе. Я такого вообще не помнил. Пришло двое в мерлушках. К шуту я постепенно начал привыкать, но чтобы совсем не привыкнуть, я решил после первого акта сбежать. Я чувствовал, что у меня терялись вкусовые стандарты. То ли спектакль был достаточно крепким, то ли якуты меня просто убаюкивали. Рядом со мной на литерных местах спала женщина. Видимо, это была критикесса из театрального журнала, это у них считается очень профессиональным, сразу немного подремать. У Шекспира запас слов двадцать тысяч, вдвое больше, чем у Бэкона и Пушкина. Как там они справились в Якутии! В Израиле известно, что любой текст, переведенный на иврит, становится в четыре раза короче. Это колоссальная экономия бумаги и

времени. Входит Гонерилья и гонит Лира взащей вместе с его отрядом, я бы сделал это еще раньше. Лир сидит на полковом барабане, а его отборные воины пляшут вокруг шаманский танец. Это лучшая сцена спектакля! "Лир пурдуре король!" - говорит шут. Гонерилья как фигуристка в прозрачном трико, но грудь не рассмотреть. Меня это интересует в чисто этнографическом смысле. Приходит какой-то товарищ в шубе, похожий на Александра Герцена. Графа Глостера играет заслуженный артист Федотов, но я не могу понять, кто из них Глостер. Но меня успокаивает, что на сцене есть мой однофамилец. Я думаю, что якуты - это все-таки потерянное еврейское колено. Все три дочери по-якутски называют Лира "аба", это очень подозрительно. Не хватало только, чтобы вся республика Саха, вся татарская орда с фамилиями Степанов и Федотов двинулась в Израиль. Особенно после того, как я оттуда уехал. Для меня бы это в Израиле было бы единственной отдушиной.

Действие продолжается. Весь королевский двор по очереди взбегает на эшафот, говорит слова, а потом с гневом отворачивается. Удивительно сильные эмоции. Спектакль немножко напоминает театральное представление в "Гекльберри Финне". В маленьком американском городке два жулика - король и герцог - бегают голые по сцене и кричат. Я уверен, что там, в далекой Якутии, артисты играют совсем в другой одежде, просто на фестиваль они приехали кто в чем. А там по весне, когда кричат олени и идет нереститься рыба, они не станут играть трагедию в этих линялых черных костюмчиках. Эдмонд ходит по сцене с бутылкой и олицетворяет порок. На сцене массу времени проводит один очень толстомордый, который в какой-то момент режет себе руку офицерским кортиком. Это очень важный момент пьесы - теперь я могу разобраться по тексту. Батюшки, ведь руку себе режет именно Эдмонд. Кто же тогда плохой в белом костюме? Может быть, это и есть Федотов? Половина труппы - заслуженные артисты. Я бы тоже очень хотел быть заслуженным артистом. Я бы всем так и представлялся - "Михаил Федотов, заслуженный деятель искусств Якутии".

На сцене вся кавалькада наконец перебирается ко второй дочери, от которой я немного плыву. Она похожа на одну из моих бывших жен, с которой я много лет не разговариваю. В охране два человека в противочумных костюмах. Но все-таки стало больше пахнуть средневековой Англией. Кент похож на зав.стойбищем, а герцог Корнуэльский на "Карьеру Артура Уи". Все жутко орут неземными голосами. Зав.стойбищем сажают в колодки. Во рту у него замечательный золотой зуб, который поблескивает под юпитерами. Мне бы такой зубец очень не повредил. В общем, Шекспир тут навалил такую пьеску для республики Саха, что атас. Лир видит того в колодках и остается этим очень недоволен. Говорит: "Коахен каппабар ахха ухху!", грозит пальцем своим пожарникам и убегает. Стало потише. Шут все-таки ничего себе шут. И еще мне нравится Регана, на которой я мог бы жениться. Ее зовут Е. Сергеева, надо будет запомнить. Красивое якутское имя.

Лир все время держится за очень длинный хвост какого-то животного, у него

такой символ власти. Девчонки все в мокалинах. Снова входит Е. Сергеева вместе с Артуром Уи, у нее действительно красивые ноги и коса до колен. Я торчу.

"Менкебехен Кент!" - говорит Король Лир. Я не перевожу.

Опять сцена с дочками и их очень сладенькими мужьями, все после Щукинского училища. Лир притих и начинает ломаться. Я чувствую, что ажиотаж спадает и начинается трагедия Шекспира. Жалко, что я не досмотрю до конца, но я всегда не любил эту пьесу. Фантастика, как Лир заучил наизусть весь текст. "Тях каграмон фист потуртах!" - я даже одну фразу не могу грамотно записать. Если у входа по-прежнему стоят якутские молодчики, они могут запретить зрителям уходить после первого действия. Регана - душечка!

Наконец-то я нашел язык и культуру совершенно без русского влияния. Я даю республике Саха статус суверенного государства. С этим я могу уже отправляться домой, но антракт все никак не начинается. Игорь Дмитриев с Банионисом наверняка уже керосинят в буфете. Сто процентов. Лир залезает на строительные леса и чуть оттуда не грохается. Надо же такого настроить! Все-таки мне тяжело дается таежный якутский смех. Надеюсь, что Е. Сергеева так не смеется. Толстомордый, который резал руку, начинает рвать на себе тельняшку и становится похожим на матроса из "Мы из Кронштадта". Это мелкое художественное воровство, я случайно его заметил, потому что за неделю до этого видел фильм по первой программе. Если театр хозрасчетный, то герцога-оленевода я бы рекомендовал сократить. Если это, конечно, не сам Ойунский. Я решаю позвонить Ойунскому и порекомендовать им играть попроще. Перед самым первым антрактом по сцене начинают катиться автомобильные шины. Приехали. Моя соседка просыпается и начинает хлопать. И в ту же секунду объявляют антракт. Вот это профессиональная выучка театроведа: она спит все первое действие, но абсолютно точно вычисляет, что сейчас начнут катать шины. Дома я говорю своей жене Женьке, что они там такой на своем наречии устроили "турлым-бурлым", что она может не ходить. Это очень специфический Лир, и я могу написать в театральный журнал за нее. Но вряд ли эти мещанки меня опубликуют, хоть у меня половина текста вообще приведена по-якутски.

Репортаж 7

Все консервы третий сорт, даже миноги. Надо писать в день хотя бы долларов на десять, а то при моей финансовой бестолковости протянешь ноги елочкой. Все, что я выиграл на миногах, я проиграл на одалживании в рублях. Надо менять тактику. Я еду по Второму Муринскому и пишу записку подруге в Москву на Седьмую Кожуховскую. Это принцип создания Нью-Йорка: с севера на юг идут Муринские, а с запада на восток Кожуховские. Она живет на седьмой. Я ее еще не разу не видел, но мне так понравилась ее рука, что я предлагаю ей вместе делать журнал по раннему развитию детей. Моя жена Женька говорит, что я рехнулся. И чтобы я не рассчитывал, что мне удастся на

старости лет еще на ком-нибудь жениться. Хватит и того, что я испортил жизнь ей и еще десятку женщин. Подходит кондуктор и просит два рубля за проезд. Еще вчера был рубль. Карточку я потерял. Карточка на трамвай сделана из папиросной бумаги. Из нее можно было закручивать козью ножку. Проезд теперь стоит 25 центов. Это не много, но трамвай все-таки очень старый. На углу Институтского проезда 12 берез. Если разделить стоимость проезда на березы, получается по два цента за березу. Я целых двадцать лет мечтал их увидеть, и цена недорогая. Невероятно, до слез красиво. Красненькие, наверное, клены. Я перестаю думать о деньгах и начинаю рассматривать старух. Они в транспорте не платят. Я тоже хочу стать старухой. При такой нервотрепке это не за горами. Мне не заставить себя заниматься с гирями. Бегать по улицам откровенно лень. Еще год назад я таскал по иерусалимским лестницам холодильники. Но родина расслабила мои члены. Может быть, это старость. Это золотая осень. Мы проезжаем мимо радиотехнического политехникума. В трамвай садится двадцать семь студентов. Нет, это еще не осень. Удивительные лошадки учатся в радиополитехникуме. Интересно, на кого они там учатся с такими ногами, с такой необыкновенно веснушчатой грудью. Загадка. Проезжаем Евроавтосервис. Метро Пионерская. В ведрах продают бруснику. Георгины по двадцать пять рубликов штучка. Что все-таки у меня было две недели назад в голове, что я не продал тысячу долларов по двадцать рубликов. Практически по георгинчику за доллар. А сейчас бы я купил две тысячи георгинчиков. Слепой просит милостыню в метро. Слепых не гоняют. Я зажмуриваюсь и слушаю рев метро. Черта с два мне кто-нибудь подаст! У меня вид бомжа, но чужого, заграничного. А я свой! Я вместе со всеми поддался панике и грабил Бадаевские склады. Я накупил каких-то несъедобных селедочных хвостов из буржуазной Эстонии. Не может быть, чтобы это оказалось случайной банкой. У селедок не бывает столько хвостов. Где-то должны скопиться веснушчатые грудки. Эстонцы жрут эти грудки сами и над нами глумятся. Селедку они жарят на сковородке. Если вы никогда не пробовали жареной селедки, то я вам очень рекомендую съездить в Таллинн. Это редкая мерзость. Я терпел этот аромат ровно восемь лет. Таллинн, улица Лейнери, дом 17, возле Кадриорга. Это абсолютно точный адрес. Можете проверить, там наверняка еще пахнет.

Очередь за пенсией. На почте выдают продуктовые наборы. Бабка берет 20 кг муки и 15 кг соли. Бабка, зачем тебе столько соли? Но она молчит. На перегоне Лесная-Площадь Мужества, "и немедленно выпил", где провалилось метро, стоят две мастерские "Шиномонтаж". На редкость безобразное слово. Потом черной краской написано "партия Лимонова". Ни разу не видел "ху.." или другие части тела. Видимо, изменилась сексуальная активность населения.

"Я не собираюсь рожать тебе третьего ребенка!" - говорит моя жена, профессорская дочь Женька. Я считаю, что это достаточный повод для развода. У всех уже внуки, только у меня, старого идиота, бес в ребро, заботы прежние. Одна женщина спросила меня в троллейбусе, много раз извиняясь, это сын или

внук. Чтобы ко мне не обращались с такими вопросами, своего накачанного одиннадцатимесячного сына я вынужден в транспорте вертеть в руках и подбрасывать вниз головой - внуков так не вертят. Я это точно знаю, у меня четыре внука, двое уже в школе. Моим малолетним сыновьям эти школьники приходится племянниками.

Вечером мы играем в покер. Это ритуальная игра - мы играем раз в десять лет. Когда-то мы играли раз в неделю. Десять лет назад мы играли на Клондайке. В шерстяных носках с налипшими сосульками. Мы знаем все друг о друге, о наших бывших женах, романах, любовницах. Брат Рыжего пришел после армии, и его было не узнать. Он стал каким-то слишком практичным. Это было сорок лет назад, но мы все равно твердим ему, что после армии он очень изменился. Мы даже не становимся стариками, просто десять лет все немного сдали. Клуб профессиональных Дед Морозов. Вызовов нет, и в наклеенных седых бородах и в белоснежных париках три Дед Мороза играют в покер. Я не седею, потому что я бреюсь наголо или просто я провел половину жизни за границей.

Рыжий тасует колоду и рассказывает нам о своей поездке в Америку: "На углу 62-й улицы я попал в сексуальный центр, и мне там предложили услугу за двадцать пять центов. Мне было просто очень интересно узнать, что он могут сделать на эту сумму. Меня завели в темную комнату, а потом открылась шторка, и две бабы катались на роликах, негритоска и рыженькая. В одних роликах. Только в кабинке жутко пахло. За двадцать пять центов можно смотреть пять минут".

- Ты сдавай.
- Почем чип?
- По рублю.

Очень дорого. Игра будет слишком резкой. Рыжий, тебе же самому с твоей техникой не выгодно. Ты сможешь играть только на комбинациях.

- Убирайте, убирайте всю еду. Маркуша, нет времени.
- До сколько метро?
- Сайра - дрянь, самопал.
- Слушайте, а сколько карт должно быть в колоде?
- Мы играем без шестерок. Тридцать две или тридцать шесть.

Марк, брат Рыжего, сдает и рассказывает, что с женой у него отношения средние и он на всякий случай купил себе комнату в коммунальной квартире.

Трое соседей. Но они не мешают. Он уже десять раз предлагал разным женщинам там переночевать, но почему-то все отказываются. Раньше не отказывались. Начальнице своей предложил два раза, но она тоже отказывается.

- Маркуша, ты же у нас еще орел. Сколько тебе лет?
- Пятьдесят девять.
- Вот я и говорю!
- Пас-пароль.
- Пас.
- Пас. Кто сдает?

- Кто спрашивает.

- А помните Раечку? Единственная была у нас партнерша женского пола, которая прилично играла в покер.

- И Теня еще был.

- Теня не партнерша. Теня - сын корейского генерала!

Теня был одним из легендарных университетских картежников. Жесткий, умный кореец. Прообраз нового русского. Кажется, он таким и начинался, но погиб в катастрофе. Я встречал его лет восемь назад в израильском самолете.

Когда-то я проиграл ему в покер сорок пар женских трусов из Гибралтара. Трусы были прямо с торгового парохода. Теня потом жаловался: просыпается дома утром, а его жена с благодарностью целует. А он просто не успел свой выигрыш спрятать. Дочка, копия Тени, живет теперь где-то в израильском киббуце. Прообраз нового израильского.

- Двадцать и двадцать сверху.

- Только ответил.

- Открываемся.

- Три вальта.

- И всё?

- Ты помнишь, как ставить буржуйку?

- Буржуйка не понадобится. Мне две карты. Город они отопят. Вот света может не быть. Утром два часа, вечером два часа.

- Надо запастись свечами. Будешь отвечать? Не очень дорого.

- А я еще укуса взял две бутылки. Сними.

- Что ты с ним будешь делать? На Тургеневской площади в ларьке я видел приманку для крыс - пять рублей баночка, не подорожало. Может, стоит запастись? Блант.

- Оверблант. Лучшее, что я вчера взял - это подкладки из г. Котлас. Женька сказала, что их нужно прикалывать к штанам булавками.

- Может не быть булавок. Меняемся.

- Тете Наде стало жарко в синих байковых штанах. И пять сверху.

Рыжий сдает и разговаривает: "...а потом я иду по галерее, и стоят три умопомрачительные красавицы. И одна мне говорит: всего пять долларов, но не мне, а в кассу. И заводит меня в темную кабинку, а сама, я так понимаю, за пятерку спешит раздеться. Но снова поднимается шторка. Вообще в темноте в этих вонючих кабинах довольно неприятно сидеть. И она действительно раздевается, но за стеклом, за толстым. Пуля не берет. Раздевается она здорово. Я получаю большое эстетическое наслаждение. Прекрасно сложена, высокая грудь. Но вот в самом конце она преподносит небольшой сюрприз и немного снижает мне удовольствие. Один известный режиссер называет интимные части своих актеров манюрка и чечирка. Манюркой называется и сама обладательница манюрки. Одним словом никакой манюрой там не пахнет. Девушка моя раздевается, и выясняется, что там имеется основательный прибор".

- Ты не тани, Рыжий, сдавай, в метро пускают до половины первого.

Нет ничего грустнее, чем покер Дед Морозов через тридцать лет.

В городе театральный бум. Половина спектаклей идет в зале, а зрители сидят на сцене, или - и действие, и зрители на сцене, а зал завешен тряпочками и подсвечен прожекторами. Много зрителей на сцене не разместишь, поэтому на все эти спектакли ломаются. Это что-то новенькое. "Ты просто серый и не знаком с театральной практикой последних десятилетий, - говорит моя жена Женька. - Патриарх всех творческих исканий, режиссер Анатолий Васильев, сидит в подвале на улице Воровского в Москве и показывает свои опыты десятку зрителей раз в неделю по записи. Есть еще знаменитый Ежи Гротовский, поляк, который уже давно обосновался со своей студией в Испании. Чем он занимается, вообще неизвестно никому, кроме Васильева, который к нему раз в год приезжает. Гротовский раз в год пускает Васильева. Они строят театр-монастырь, не для зрителей, А ДЛЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА В АРТИСТАХ. Актеры - служители культа театра, они работают не на продажу. Чего и тебе желаю!"

- Что ты тогда будешь есть? Мне и так никто ничего не платит! Кстати, Женька, что у нас сегодня в театре?

- "Двенадцатая ночь" в Молодежном. Это, наоборот, очень демократический театр. Зрителей много, всех пускают, сегодня, после того, как забили все проходы и ступеньки, вынесли дополнительные лавки и поставили прямо на сцене. Так что и здесь зрители сидят на сцене. Как раз то, чего ты не любишь.

В Молодежном действительно много молодежи, ходят парочками и большими компаниями. А в этот раз пришли еще школьники, какого-то не очень старшего класса, к тому же приезжие. Поведением такая публика отличается самым свободным, я вообще бы их никуда не пускала. Но спектаклю это не помешало, потому что "Двенадцатая ночь", наверное, самое раскованное представление в городе. В нем артисты бесятся, дурачатся и оттягиваются, как хотят. Это веселый актерский капустник на тему комедии Шекспира. Такому - почти клоунскому, пародийному - прочтению комедии не мешали даже школьники, постоянно покидавшие свои места и шествовавшие к выходу. Дело в том, что в Молодежном зал устроен так, что ряды амфитеатром поднимаются от площадки, горизонтальных проходов нет (места вообще очень мало, это тесный маленький театрик) и, если какой-нибудь идиот-зритель вдруг захочет посреди действия сходить в туалет, ему приходится спускаться на площадку и топтать вдоль первого ряда, задевая плечами артистов. Ну уж в "Двенадцатой ночи" артисты таким зрителям спуску не дают! Каждого школьника встречал и провожал такой град шуток и острот, что можно было подумать, не "подсадка" ли это - не специально ли тут бродят эти юные дарования? Но тут ребята нашли где-то в фойе электрический щит и чуть не лишили весь театр света... Пришлось милицию вызывать, но спектаклю эти внесценические обстоятельства не помешали.

На сцене стоит парковая скамейка. И все! За ней - ряд блестящих ширм, сквозь которые на сцену прыгивают, вползают, вбегают, вваливаются персонажи. На

скамейке они разваливаются и, как положено полупьяной уличной ватаге молодых бездельников, горланят песни и рассказывают скабрёзные анекдоты. В первый момент зрители немеют от удивления (наверное, предварительное почтение к имени "Шекспир" есть у всех, даже не слишком образованных), но потом все расслабляется и беззаботно веселятся четыре часа подряд.

Ну кто, скажите, поверит, что вот этот не самый сытый артист К., получающий зарплату 15 долларов, и есть богатый аристократ герцог Орсино, который считает десятками свои корабли в море и умывает руки в розовой воде? Или что эта востроглазая казачка У. с милым южным говорком - и есть неприступная красавица, владеющая замком с видом на море? Никто не поверит. Как никто не поверит в то, что этот самый герцог дружил с мальчиком-пажом и не замечал, что это не мальчик, а девочка, и в то, что графиня влюбилась в эту девочку-пажа и не могла отличить ее от брата-близнеца, с которым повенчалась. И не верьте! - предлагают нам артисты Молодежного. Будем по этому поводу хохмить и острить всеми возможными способами, а на несуразицы сюжета не стоит обращать внимания. Кончится все хорошо, и все об этом знают заранее.

А в антракте развеселая компания - не из шекспировской Иллирии, а с 1-й Красноармейской, из публики - решила сфотографироваться ...прямо на той скамейке, что стояла на сцене. Артисты как раз выходили на последний акт и успели к вылетающей птичке. Хватит тебе о театре?"

Уже давно хватит.

Репортаж 8

За два дня газоны покрылись листьями. В Санкт-Петербурге дует сильный холодный ветер. Может быть, он дует с Балтики. Я ее еще не видел. С таким названием ездят только бочки с преуспевающего пивного завода. Пиво подешевело, а аппетит за последние дни значительно снизился. В поезде Москва-Ленинград в обычном купированном вагоне кормят завтраком. Дают самолетный набор и копченую колбасу не по зубам. Москва - это не Россия. Такой перепад я видел только в Берлине. Западный турист переезжал в Восточный Берлин и начинал трепетать от ужаса. Москва - это нормальный европейский город. Не бедный и не наглый. В метро и в лифтах - светло. Чистая рябина на деревьях. Целый асфальт во дворах. Собаки породистее нас. В Москву, в Москву!

В Петербурге решена проблема старушек. Обычные люди, не старушки, ездят на автобусе с пометкой "Т". Это большие автобусы, довольно чистенькие, с мягкими сидениями. Всегда можно культурно ехать сидя. Пьяных в них нет. Ходят такие автобусы очень часто, очень быстро, и если пассажиров нет, то понапрасну они не останавливаются. Но уж если они видят пассажира, то и подождут тебя, и двери придержат. Только если ты не старушка. А для старушек существует специальный вид автобусов, без пометки "Т", которые ходят редко и медленно. Вот туда они почему-то все и лезут. Представляете, едет автобус,

набитый старушками, останавливается около базара, и туда втискивается еще куча старушек. Висят на подножке, орут, но все равно рвутся внутрь. Комедия, сколько их набивается. Денег они не платят, потому что по пенсионным удостоверениям в этих автобусах им платить не нужно. Езди сколько хочешь, вот они и ездят. Если вы не старушка, я вам советую ездить в "Т".

Виктор Суворов продается на книжных прилавках, но его не упоминают. Как будто его нет на свете и военная история двадцатого века не переписана набело. Я еще не был в Царском Селе, я еще не был в Павловске. За город не выбраться, мой день посвящен выживанию.

Сорокалетняя молодящаяся доцент выпила на кафедре и дальше ничего не помнит. Очнулась во дворе без сумки и пальто уже под утро. Зав.кафедрой тоже ничего не помнит. Кажется, не изнасиловали, но она не помнит.

Мой социальный статус очень низок. Ниже, чем в Израиле. Там я относился к подклассу мелких ремесленников - развозка мебели. Здесь я просто - никто. Бывший врач. Счастье еще, что никто не спрашивает: "Вай, итс э найс бизнес!" Никому не известный писатель. Израильский паспорт тоже меня особенно не красит. Евреев на улицах я не вижу. Может быть, они остались только в правительстве. В семидесятые годы был анекдот: "Последний еврей! выключите за собой свет в Шереметьево!" Сейчас свет будут выключать в Кремле. Но от политики я очень далек. И голосовать не хочется ни за кого.

Говорят, что антисемитизм усилился, но я не чувствую. За три месяца единственная женщина, глядя на рекламу петровских сигарет, начала кричать, что ее придумали евреи.

После выступлений Макашова уличный антисемитизм не стал заметнее.

Ленфильм занят чеченцами. Они бродят по коридорам и страстно говорят о своем. И на своем. Леша Герман переделывает старую картину. Больше просто никого нет.

Уборные заколочены.

Все время так хорошо, что сердце выпрыгивает из груди. Мне уже девяносто второй день хорошо. Мне все еще не привыкнуть.

Кое-где трехметровыми буквами написаны хорошие слова про советский народ. Дорого снимать. Пьяных намного меньше, чем раньше, на тротуарах никто не лежит, даже доценты. Возле нашего метро несколько постоянных пьяных парочек с перебитыми мордами, похожи на пьяных индейцев на Западе Канады.

Федя говорит: "Послушай, одну вещь тебе скажу, пожилы здесь, а теперь давай возвращаться в Иерусалим". Я обещаю ему Деда Мороза, мне не объяснить трехлетнему мальчику принцип мышеловки: Израиль всех впускает, но никого не выпускает.

Музеи мертвые. Музеи в музее. Смотрители спят и с них можно тряпочкой вытирать слой пыли. Через сто лет они проснутся.

Русский музей очень вялый. Но я первый раз в жизни увидел Филонова. Застыл как вкопанный и еще долго приходил в себя. Мощнее всего

окружающего на пять порядков. Мировая провинция и скука. Но Олег Киреев, дружок Верника, сказал мне: "Не надо трогать, сука, моего русского музея!". Но все равно, Филонов мощнее всех.

До друзей, в основном, не дозвониться. Моя жена, профессорская дочь Женька, не была на родине пять лет, но этот процесс коснулся уже и ее. Связь оборвалась, и в поток второй раз не войти. Я понял, что возвращение нельзя связывать ни с какими людьми, может быть, только с мамой. Но равнодушие бывших знакомых и друзей невероятное. Оно сравнимо только с финалом "84 года" Орвелла. У кого-то осталась капля тепла, но тоже не к тебе, несуществующему, а к памяти. Возвращаться можно ради жизни, ради творчества. Ради творчества, которое не кормит.

Актер Александринки, любимец петербургских театралов Леша Девогченко получает четыре сотни рублей в месяц. Двадцать долларов. Это актер, который может всё.

Лучшие художники, которых я видел, не продали ни одной картины. "Да ведь и я продал только пару десятков своих книг", - тщеславно думаю я, и надуваю щеки. Меня греет идея элитного искусства. Но все-таки актерам хочется есть, и все спектакли, которые я видел, прекрасно могли бы идти со зрителями в зале, а не на сцене. Выручка пошла бы актерам на обед. В спектаклях без зрителей я не вижу ничего кроме позы. У книг должен быть нормальный тираж, а картины висеть в галереях. Но они не висят, потому что нет спроса. И на меня нет спроса.

Это не обидно. Мне не хочется печататься в России. Мне не хотелось печататься в Израиле. Успеть бы написать все, что хочешь. И немедленно сжечь.

Вина "Изабелла" и "Краснодарское шипучее" по доллару. Дома выясняется, что на свету "Изабелла" выглядит подозрительно. Можно будет зимой кому-нибудь подарить.

У меня нет трудовой книжки. И пенсии. Непонятно, где и чем я занимался всю свою жизнь. Можно еще выбросить паспорта, назвать себя человеком солнца и жить под мостом. За пенсией обращаться не к кому. Если кто-нибудь хочет платить мне пенсию, то можно посылать мне по Интернету. Я уже почти выучил свой адрес etropp@mail.cl.spb.ru. Кроме пенсии меня интересуют все материалы по раннему развитию детей.

Федьку в три года взяли в хоккейную школу, он уже очень прилично катается. Я рассчитываю на пенсию из NHL, поэтому я готовлю его в хоккейные вратари. До того, что он станет полевым игроком, мне не дожить. Но я вспомнил, что Третьяк встал в сборной в шестнадцать лет, и по три раза в день мы кидаем друг другу теннисные мячи. Я уже сам стал кидать мячи с такой точностью, что за одно это государство должно платить мне пенсию.

Неужели придется переться за ней в Израиль? Меня не посадят за долги, только если вернуться туда к пенсии, в шестьдесят пять лет. Но можно вернуться в шестьдесят четыре. Отсидеть год в долговой тюрьме и кроме пенсии получать еще социальные надбавки. Но если вернуться в шестьдесят три и отсидеть два года, то после тюрьмы они обязаны будут обеспечить меня еще и

жилплощадью. В тюрьме тепло, дают бумагу и ручки. А пытаются вообще только тех, кого подозревают в связи с еврейским подпольем. А я с ним не связан. До пенсии еще целых двенадцать лет, но я люблю строить планы заранее. Самое страшное, если в конфедерацию бывших народов России возьмут еще и Израиль. Тогда вообще не будет пенсии, и посадят раньше.

Все цены подскочили и застыли. Доллар пошатнулся, а сгущенка в универсаме стоит тринадцать рублей вместо четырех. Я не могу позволить себе сгущенку за полтора доллара. "55 копеек третий пояс". Свастика на столбе. Лимоновцы. "Русская партия национального единства". Иногда такой знак на серых подростках, которые раздают у метро газету. Они не настоящие, это что-то среднее между Орвеллом и Стругацкими.

Моя племянница Яня приходит ко мне заниматься английским. Мы читаем с ней "Прайд энд преджидиз", и она очень переживает за мистера Дарси. Янька - психолог. Она учится на третьем курсе и просит не считать себя идиоткой. Ирка Сыромягина привела к ней вчера парня и сказала, что с ним можно будет завести семью. Я ее спрашиваю, кто он по профессии или хоть чем он занимается, какие он выдавлиывает из себя слова. Пусть не про работу, но хоть про что-нибудь. Но она пока не вспомнила. Парня зовут Серега. Очень подходящее имя, чтобы заводить семью. Они с Серегой пошли в парк и жгли там костер. Я прошу Яню пока с Серегой ничем не заниматься, пока не выяснится, что у него за душой. Ирке Сыромягиной я обещаю оторвать голову.

Я подумал, что Василий Иванович живет в нашей коммунальной квартире пятьдесят лет. А я, как Иосиф Сталин, хочу согнать его с насиженных мест, от родной бани, от заспанной лестницы, по которой он скорбно поднимается. С родной Петроградской я отправляю его, декабриста Лунина, в ссылку. Пусть и в отдельную квартиру, на которую эта сволочь не хочет размениваться, но все-таки в ссылку. Я горжусь тобой, Василий Иванович! Я вынужден бороться с тобой, потому что профессорская дочка строит из себя неизвестно что и не хочет разделять с тобой коммунальные удобства! Но нет такого закона, чтобы тебя, как мирного чеченца, изгонять из родного аула! Нет такого закона!

К величайшему сожалению, нет!

Женька! Что там сегодня о театре?

"Российскую театральную премию "Золотая маска" дали спектаклю Додина "Пьеса без названия". Это чеховский "Платонов" - недописанная многостраничная вещь, не предназначенная для постановки. В процессе репетиций Додин постепенно сокращал и урезал текст, удалял персонажей, и в конце концов осталась история про пьяницу Платонова и его женщин. Эти женщины - толстая неинтересная жена, стервозная бывшая возлюбленная, генеральша бальзаковского возраста и юная глупенькая дамочка - ожесточенно домогаются его усталого тела. Трудно понять, чем привлекает их этот задерганный, неопрятный тип, постоянно либо выпивший, либо с похмелья, который к тому же несколько не любезен, а наоборот, груб с ними, ведет себя по-хамски. Впрочем, все в спектакле ведут себя по-хамски, кричат друг на друга,

скандалят на глазах у всех, в семейных склоках участвуют все без исключения - слуги, гости, официанты, богатые евреи, купающие имения русских помещиков, и наемные "киллеры". Какой уж там целомудренный Чехов с его "подтекстами" и "настроением"! Голые женщины и, что особенно противно, голые мужчины, задыхаясь от жары и похоти, увлекают друг друга в липкие объятия. А чтобы слегка освежиться - ныряют в настоящий бассейн с зеленоватой непрозрачной водой.

Додин любит все натуральное. Верховенский в "Бесах" на глазах у проголодавшихся на девятом часу спектакля зрителей уплетал целую вареную курицу. А тут - натуральный водоем, натуральный дождь, натуральные душевые. И жара тоже натуральная - в зале плюс тридцать. Актеры купаются, плещутся, а зрители парятся в пиджаках и свитерах. Такая вот душная российская действительность по Додину".

Женьку не увлекают голые мужчины, в остальном она решительная поклонница Додина. Женька! Когда мы сможем разжениться?

- Даже не рассчитывай! Будешь жить как миленький.

- Неужели тебе не скучно жить столько лет с одним человеком?

Мы уже женаты пятый год. Скоро серебряная свадьба!

Репортаж 9

ГОД 1999. Я УЖЕ ЦЕЛЫЕ СУТКИ НЕ ПРОИЗНОСИЛ СЛОВА "ЕВРЕЙ". И Я УЖЕ МЕСЯЦ НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛ ПРО ЕВРЕЕВ. НИ ХОРОШЕГО, НИ ПЛОХОГО. МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ВОВКА НИКОЛАДЗЕ, С КОТОРЫМ МЫ ВМЕСТЕ В 19 ЛЕТ РАБОТАЛИ САНИТАРАМИ, СКАЗАЛ МНЕ КАК-ТО НА ДЕЖУРСТВЕ, ЧТО УЖЕ СУТКИ НЕ ДУМАЕТ ПРО ЖЕНСКИЕ ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ. ЭТО У НЕГО БЫЛ РЕКОРД. ВОТ В ИЗРАИЛЕ ТАКОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

Целый год я не возвращался к своим заметкам.

Я БЕРЕЖНО ОЩУПЫВАЮ СЕБЯ И ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ, ИЗМЕНИЛСЯ ЛИ Я ЗА ГОД. Я ТРИ РАЗА ГОЛОДАЛ ПО НЕДЕЛЕ И СБРОСИЛ В ОБЩЕЙ СЛОЖНОСТИ ОКОЛО ТРИДЦАТИ КИЛОГРАММОВ.

"Лучше умереть, чем голодать", - пишет Шекспир в одной из своих пьес, и я с ним согласен. Я пишу эти заметки для себя и не считаю их прозой. Эти тридцать килограммов - это почти целый человек. Одна девушка, которую я любил, весила всего 42 килограмма. Мне нужно было всего еще раз поголодать - и вообще не нужно никаких женщин.

Первые восемь репортажей опубликовали в лос-анжелесской Панораме и заплатили мне за них двадцать долларов. Ровно 2,5 доллара за репортаж. 75 рублей. Это приличная сумма. Сегодня на них можно купить 17 батон

пшеничного хлеба, который я люблю. Это единственное, что мне удалось заработать за год. Правда, сегодня мне предложили сразу две работы. Заниматься с десятимесячным ребенком в Чикаго и вести отдел сексуальных табу в виртуальном журнале. Я написал родителям ребенка, что я согласен, но я нахожусь довольно далеко от Чикаго. В этом месте я почему-то перешел на иврит. Я в России, написал я, зе ахарей Полин, это такое место на земле между Финлянд энд Тёрки, и пока ответа не последовало. Видимо, хасиды: э-мейл начинался со слова "Шамир". Я соскучился по хасидам. Если я встречу в метро человека в чёрной шляпе, мне будет не удержаться - я брошусь ему на шею. В прошлом году такой остроты чувств еще не было.

Я решаюсь вернуться к заметкам только из уважения к написанному тексту. Его нельзя бросать неоконченным.

Я многого достиг за год, но меня больше не интересует хронология событий, я пытаюсь спасти только самые важные для меня куски.

1998. Я придумал, как без операции увеличить мужскую потенцию. Я не знаю, можно ли об этом открыто писать, потому что боюсь урологов. Собственно, они сами навели меня на гениальную мысль. Все газеты полны объявлений, как в любом возрасте простой операцией увеличить вам мужской кровоток. Дальше всё элементарно просто. Вместо платной операции поливаете себя горячей водой, потом ледяной. Старый индейский метод. Только не обожгитесь! Если вы живёте в жарком климате, то можно заранее готовить ванночки со льдом. И не нужно никаких операций. Я принципиально не хочу патентовать это открытие, пусть все пользуются! Во будет жизнь, в парадную будет не войти!

Свиная сырокопченая колбаса "Салям алейкум". Кошерная. Выпускает колбасный завод в Черкизово. Можно купить партию и подарить религиозным мусульманам.

Неожиданный звонок, мне звонит Толстый. Он прилетел из Парижа и снимается в кино, но ко мне не заходит. Но Толстый разрешает мне взять у него интервью. Это барский подарок. Ему интервью "не до чого", сообщает он снисходительно. Ему даже не надо ванночек со льдом. Но зато я могу с интервью о нём всюду войти. Это будет как ключ. Ему кажется, что насчёт ключа я сомневаюсь. А я не хочу никуда входить. Я вспоминаю период нашего сотрудничества в Мулете. Тогда эмиграция была вся как на ладони. Между Киреевым из Буэнос-Айреса и Рабиновичем из Харбина не было дистанции. Я знал в лицо каждого северного китайца, который в конце концов оказывался деревенским русским мужиком. Целые деревни таких китайцев мигрировали между Австралией и Канадой.

Толстый выпускал антижурнал про половые органы в Париже. И там были куски хорошей литературы. У Лимонова уже вышел Эдичка, но он еще не был предводителем русских фашистов и был только не совсем известным писателем. Кузьминский писал про неуютную половую жизнь в австрийских гостиницах.

Все описывали своих Елен, которые их покинули. Сейчас Елены постарели и вызывают неприязнь и отвращение. А тогда они вызывали только неприязнь. У

лимоновской Елены кожа на попе была в мелких гусиных пупырышках.

Это мне всегда очень нравилось. И я подолгу рассматривал их книжку. Вообще я не очень много читаю. Года два я был у Толстого в первой обложке. Я не очень много писал про половые органы, но мне удавался странный тон.

Все маститые писатели эмиграции сегодня уже вошли в историю, но тогда всё было довольно противно. Противен был Максимов, противен Синявский, архипротивен был Солженицын. Я даже не могу назвать кого-то, кто оставался бы нормальным человеком, от которого не тошнит. Это был такой же Союз писателей, только наоборот.

Позже уже в Израиле появился Бреннер, который онанировал в тазик на Пушкинской площади. Потом он изрезал какую-то картину в Бельгии, и, кажется, его там посадили. Хотя бы его никогда не выпускали. Чахлый стебелек еврейского авангарда. Но в восьмидесятые годы в тазики еще в России никто не онанировал, и вот Толстый в эмиграции как раз закрывал эту нишу своей очень толстой жопой. В Риме он прыгал в фонтан с криками "берегите папу". У Толстого много комплексов. Его очень интересует, что о нем думают другие, но журналы были в порядке. Я тоскую по этому времени. Эмиграция мелькает в моих снах, как в немом кино. Если бы можно было открутить жизнь обратно. Вот квартира в Риме, где у меня ночует пятеро грузинских бандитов. Гоп-стоп происходил в Греции. Сейчас они продадут мне тяжелую золотую цепь, и я променяю её в Канаде на японский четырёхдверный "Кольт". Днём мы травим итальянских тараканов, а ночью я голым гоняюсь с полотенцем за комарами. Из окон соседнего дома за мной следит мой сокурсник "Ганц", Лёнька Ганцмахер. Ему интересно понять, что за эмигрантка без лифчика у меня опять ночует. "Buona sera!" Днём он продаёт бинокли на рынке "Американо". Ганц стал крупным психиатром в Нью-Йорке, а эмигрантка без лифчика вышла замуж за профессора из Гарварда и стала говорить с акцентом.

А я настолько никем не стал, что у меня влажнеют веки.

Я решил устроиться на работу дворником, они очень прилично зарабатывают. Но моя жена, профессорская дочь Женька, говорит, что она не желает иметь сексуальные отношения с дворниками. Редкий снобизм.

Целыми днями я слушаю радио "Балтика". Там дикторы сообщают удивительные вещи. Десять лучших дворников Москвы отправлены на две недели в Таиланд. Многие не хотели ехать, говорили: "На ... мне сдался ваш Таиланд". Но Лужков сказал: хотят, не хотят, везти всех силой. Хорошо бы мне тоже в свое время прямиком отправиться в Таиланд - оттуда еще никто не возвращался.

Стало холодно, плюс шесть. Весь день шел дождь. Женька искала в аптеках женские подкладки, но их нет, их сдуло холодным ветром. С этого всегда начинается экономический обвал. Статистика утверждает, что они исчезают первыми. Это, если вдуматься, очень показательно. Последней исчезает морская капуста с йодом. Так было в девяносто втором году: пустые полки и мрачные продавщицы на фоне морской капусты. Говорят, что она продлевает жизнь. Наш

сосед Василий Иванович так нажрался в девяносто втором морской капусты, что теперь он переживет нас всех. И с коммунальными комнатами нужно что-то делать. Размениваться он не хочет, воды нет, не закрываются окна. Я вообще всегда ненавидел Петроградскую сторону, как я сюда попал - загадка. "Как здоровье, Василий Иванович?!" - "Хуёво", - отвечает Василий Иванович. Следующей весной ему будет семьдесят один год. Средняя продолжительность жизни в России шестьдесят пять. Я не желаю Василию Ивановичу ничего плохого, но из-за того, что он копит тут небо лишних пять лет, где-то в городе N., по статистике, должен безвременно умереть какой-то сравнительно молодой мужчина. Вот что обидно. Может быть, этот человек никогда не был женат, не слышал топота детских ножек. Может быть, вообще он был невинно осужден за изнасилование и всю жизнь просидел за колючей проволокой. Наконец его выпустили, а он возьми себе и помри, чтобы такая сволочь, как Василий Иванович, наслаждался тут коммунальными благами жизни и не давал мне разменять квартиру. Я даю себе слово, что если он еще раз нагадит на пол в туалете, то я сдам его бандитам. Пусть мафия сама с ним разбирается.

Снова зима, моя вторая зима в Ленинграде. Зимние проблемы меняются, но не сильно. В Иерусалиме сейчас плюс тридцать. Идет всеобщая забастовка, значит, мне даже не пришлось бы работать. Это редкий идиотизм - приезжать в Россию в самый разгар кризиса.

На нашей лестнице подожгли дверь богатых соседей с ройтвелерами. В час ночи столб дыма, открываю дверь - в темноте красиво горят две двери и страшно воняет бензином. Деловые разборки. Приехали пожарники в красивых касках из 451 по Фаренгейту. С огнемётами и топорами. Но к их приезду я уже всё залил детской ванночкой. Дети еще несколько дней бегали по дому с черными пятками.

Перед нашим метро на ящиках сидит мафия старушек. Чужих старушек в торговый ряд не впускают. Удивительный народ - старушки. Я видел, как одной посторонней старушке надавали по морде и вытолкали её прочь. Ближе всего к метро сидит несколько старых грузинок, а за ними в сереньком тулупе второй год сидит старушка-химик.

Раньше старушка-химик занималась сверхнизкими температурами. А сейчас она раз в неделю едет на базу, берет двадцать килограммов капусты и на тележке интеллигентно прёт ее домой. Ей 68 лет, но она довольно крепкая старушка. Потом квасит ее в эмалированном чане. Проходит несколько дней, и капуста готова. И старушка-химик везет ее продавать к нашему метро. Получается рубль с килограмма.

За день она продает пакетов пятнадцать - двадцать. То есть почти доллар за день, но стоит она только в светлое время, не больше шести-семи часов.

Конечно, холодно, можно околеть, но у неё профессиональная привычка. Зимой напялит на себя валенки и два тулупа и стоит, хлопает ладошами. Двадцать рублей - это можно купить кефир и пачку масла. Академик Амосов, который писал о глубокой старости, рекомендует старикам очень много двигаться. И

старушка-химик двигается будь здоров. Пенсия у нее 380 рубликов, и двести она делает на капусте. Квартира своя, телевизор цветной, транспорт бесплатный. Живи - не хочу.

Как люди живут на 40 долларов в месяц - остается загадкой, а это приличная зарплата.

Меня сводит с ума книга Гилилова "Игра об Уильяме Шекспире".

Я не уверен, что в шекспировском тексте постоянно присутствует женская рука. Иногда она слышна. Иногда я даже не слышу Шекспира - это чувствуешь даже в переводе. Книга Гилилова - это поворот в культуре. Может быть, только в моей.

Надпись на лимоновском заборе - "дави америку как гавно".

Женька, что ты пишешь? Я читаю из-за спины:

"Малая сцена БДТ, спектакль "Отец". Пьеса Стриндберга... совсем тихо, нет музыки. В первом действии только звуковой фон: отдаленный лай собак, завывания ветра, скрип снега. Когда появляется музыка, она тоже тихая и неназойливая. Тема спектакля: отцовство, которое невозможно установить. Мужчина будто бы никогда не может быть уверенным, что ребенок родился от него. Даже сходство ничего не доказывает. Там приводится такой пример из зоологии: если случить зебру и обычную кобылу, родится полосатый жеребенок. Но и следующий жеребенок этой кобылы - от нормального жеребца - тоже может оказаться полосатым".

Тема отцовства, которое не удастся установить, меня глубоко огорчает. Я говорю своей жене, профессорской дочери Женьке:

- Может быть, мы прекратим половую жизнь в одностороннем порядке?
- Что это значит?
- Это значит, что я с тобой прекращаю!
- А я?
- А ты делай, как ты считаешь нужным.
- Как ты себе это технически представляешь?

Репортаж 10

Буйство красок кончилось. Красный и зеленый цвета исчезли. Деревья поскучнели и стали сплошь желтыми. Дикая тоска оттого, что эта красота невозвратно исчезла. Я начал понимать природу депрессий. На Мориса Тореза пробка, иномарки выбирают из нее по тропинкам и гоняют в разные стороны по тротуарам. Я завис над городом, как космонавт Терешкова. Хорошо быть ангелом. Летаешь над городом и никаких забот не знаешь.

Какое счастье, что к власти придут коммуняки. Докторская колбаса будет снова рубль шестьдесят. И либералы - счастье. Мне очень нравятся либералы. И демократы, и монархисты - тоже счастье. Мне все очень нравится. Я живу на очень высоком этаже, и мне видно, над каким местом Ленинграда идет дождь.

Надпись на лимоновском заборе - "нет денег - убей банкира". Они не пишут,

где его взять.

Моей жене, профессорской дочке Женьке, нужно найти себе более интеллигентного человека. Все-таки я очень серый. Вчера я выяснил, что Коломна находится в Ленинграде, я был уверен, что она под Москвой. А "Пушкинский дом" вовсе не означает "музей-квартиру Пушкина". Дом-сказка стоит на Маклина. Улица Маклина снова стала Английским проспектом. Там живут хоббиты. Можете сходить посмотреть, если не верите. По утрам они шарят по помойкам, ищут пустые пивные бутылки. Я буду собирать пустые бутылки с зимы, когда кончатся все деньги. У меня уже есть две бутылки.

А пока мы с Анькой учим плач Ярославны. Для девочки, прожившей всю жизнь в Израиле, этот текст за пределом понимания. Сам я прихожу к выводу, что Ярославна - липа, не могло быть никакого такого фольклора, это гениальная выдумка, она придумана намного позже.

Снова обвал, но очередей уже нет. Люди закупились. Деньги вытряхнули. Пока народ стоял в очереди за консервами, огурцы и чеченские помидоры подешевели, было не до зелени. Почти никто из моих знакомых вообще ничего не купил. Не было денег.

И было противно стоять в возбуждённых очередях. Стану ли я тосковать, если население начнет голодать, а я буду доедать сгущенку из осенних запасов?

Головой я понимаю, что буду, но я не позволю голове собой командовать.

Я забыл, как пишется слово "здесь". "Сдесь" или "здесь"?

Оба варианта мне кажутся подозрительными. Вот что значит надолго предавать родину!

В Думе прозвучало "жиды", и у меня начался плач по Зюганову, а я так на него надеялся. Я решил не вступать в КПСС, но мне страшно хочется вступить в какую-нибудь организацию. Но пока у меня даже нет трудовой книжки.

Сына Давида отпускают из армии приехать ко мне в гости. Израильская армия оплачивает ему одну поездку в год. Я люблю израильскую армию. В высшем смысле. У меня там служат дети. Не дай Бог, если будет серьезная война, мне придется лететь в эту страну. Хоть это единственный вариант, когда я допускаю свое возвращение. Но непонятно, как меня можно использовать. Может быть, меня поставят рыть окоп или собирать апельсины. Это отвратительное занятие. Пожалуй, я раздумал возвращаться! Но все равно я надеюсь, что арабы первым делом поднимут на воздух компьютер соцстраха - Бетуах Леуми, которому я должен сто тысяч долларов по алиментам. Арабам придется поднять в воздух несколько банков, в которых у меня ипотечные ссуды: я уже выплатил втрое больше взятого, но мне еще платить и платить, лет десять. Если бы войти в контакт с арабскими наводчиками катюш, то я мог бы залезть на нужные здания и им оттуда семафорить. "Я беспартийный идеалист, я уехал оттуда обобраным и нищим, пожалейте меня, арабские бойцы! Я для вас только символ бескорыстного сионизма, дайте за меня по банку "Тфахот"! И в его лице по всему всемирному империализму! На всякий случай ориентиры такие: посреди Тель-Авива, недалеко от моря, на улице Герцль три, стоит такая высокая дура,

выше города, но надо брать чуть левее. Я отдам за это все, что накопил с годами, я отдам восемнадцать пачек подкладок из города Котлас, двенадцать банок миног, сгущенку без сахара - что захотите. Пусть я и эту зиму буду голодать!"

Но молчат арабские наводчики! До них так просто не докричаться. Даже сердце мое колотится от возбуждения. Израиль - это неволя! Я в неволе не размножаюсь!

- Ничего себе не размножаешься! - говорит моя жена, профессорская дочь Женька. - У тебя в Израиле родились шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый ребенок! В Китае тебя давно бы кастрировали!

У нее удивительная способность снимать возвышенность моих состояний. Я не понимаю, куда смотрели мои глаза.

Моя племянница Яня не всегда была психологом. Она раньше была лошадицей и каждый день ездила в конюшню в Лодейном поле. Но в Израиле ей скакуны не понравились. Я показывал ей жеребца, которого купили в Голландии за двести пятьдесят тысяч долларов, но она говорит, что он очень костлявый. Этот жеребец живет в Кфар-Адумим. Если вы едете по дороге к Мёртвому морю, то сначала идут бедуинские поселения, а потом под горой там есть левый поворот и домики на горизонте. Это одно из самых красивых мест в Израиле. Вы возвышаетесь над Иудейской пустыней и видите сразу все, от Иордании до Сирии. Только нужно забираться в этот поселок рано утром, пока нет дымки. Мне туда, наверное, уже не попасть никогда, а в Мертвое море хочется до боли.

Девочка Таня, первый класс французской школы Фрунзенского района, сказала, что в Иерусалиме было лучше, потому что девочки дружили в их школе с мальчиками. А в первом классе французской школы Фрунзенского района дружат только девочки с девочками.

Глупая, глупая Таня! Ты еще надружишься с этими козлами. Они будут нелепо размахивать руками, пить водку и плевать в ванны или будут бессмысленными качками с потухшим взором, будут блудить, требовать, чтобы ты делала аборт и с важным видом вести кусок железа о четырех колесах. Просто мерзость. Как прекрасно изменилась бы жизнь на земле, если бы на ней не было мужчин.

Нет проблемы Шекспира - есть только проблема моей глупости. Дело ведь не в том, что Шекспир оказался одним человеком, а не другим. Дело лишь в том, как я в здравом уме мог поверить, что малограмотный прижимистый актер, или нет, наоборот, как не возникло понимание, что написать любую из пьес мог только человек недостижимой небесной культуры.

Василий Иванович спасен! К Аньке на пятнадцатилетие пришла вся команда фехтовальщиков, и один шпажист сильно наблевал в ванну. И, конечно, на беду туда немедленно явился Василий Иванович. "После этого вы еще меня обвиняете, что я гажу в туалете", - сказал он, но по-доброму, с большим пониманием. Все-таки юношеские организмы совершенно не переносят крепленых вин!

Для старушек в сберкассах сделан специальный сервис. Для того чтобы

заплатить за коммунальные услуги, за квартиру или за прописку, за свет и за все остальное, в сберкассах нужно заполнить специальные формуляры и в них указать три расчетных счета, каждый по двенадцать цифр, но это не страшно, потому что в каждом номере всего по семь или по восемь нулей. Иногда семь, а иногда восемь, каждый раз трудно сказать сколько, потому что в образцах циферки очень мелкие. Прямо малюсенькие. Образцы эти вешают на стенах, не очень высоко, на уровне моей головы. То есть высокая старуха вполне может рассмотреть этот номер, не залезая на скамеечку. А потом быстро бежать записывать его за столик. Для них еще сделали специальный столик. Но это даже лишнее, потому что только они сядут, как им нужно вскакивать и бежать запоминать следующую цифру. Особенно им часто приходится бегать из-за нулей. Я сам пересчитываю их раза по три. Главное, что нельзя сделать на образцах особенную пометочку, чтобы запомнить, сколько ты нулей переписал, потому что они под стеклом. Посидите в сберкассе сами, заплатите рубль восемьдесят за прописку и последите за старушками. Обхохочетесь. Вам никогда не захочется становиться старушкой, настолько это смешно.

Какое счастье, что ни с одной женой я не дожил до серебряной свадьбы! Я уже сделал столько попыток! Сейчас-то мне это точно не грозит.

- Почему люди не могут просто спать вместе? - спрашивает меня моя жена Женька.

- Я не собираюсь спать вместе с женщиной по принуждению.

- Тебя никто не заставляет спать по принуждению и жить половой жизнью по принуждению, если невозможно ею не жить по принуждению, - говорит моя жена Женька. - Господи, как мне надоело слышать про половую жизнь, когда все это кончится.

- Так отпусти меня на свободу!

- Никогда.

- Забери детей.

- Никогда.

- Отдай их мне.

- Никогда.

- Что никогда?

- Всё никогда. Я так и знала, что тебе нужно гоняться за новыми юбками. Но на это ты даже можешь не рассчитывать. Ты больше не испортишь жизнь ни одной женщине, я твоя последняя жертва.

- Но зачем так мучиться, если так все чудовищно?

- Только из принципа.

Репортаж 11

Утро, я вижу из окна четырнадцать домов по Мориса Тореза и по Второму Мурунскому. Я не знаю, как он теперь называется. Проспект Карла Маркса называется Большим Сампсониевским. Интересно, как теперь называется

марксизм?

Надпись на лимоновском заборе - "национал-большевизм победит".

Пенсионеры рыскают по городу в поисках дешевых круп. Разговор взрослых людей в очереди: "Купим сто граммов докторской и съедим дома с яичницей". Стоимость базара на Кузнечном: малосольные огурцы - восемьдесят. Пенсия 320, пенсия - триста восемьдесят, пенсия - пятьсот сорок. Бабка из Ленобласти говорит, что пенсия у неё - 19 рублей, но хромая, выжившая из ума и, наверное, врет.

Свинина 120, сметана 50, творог 40, пучок укропа 5 руб., зеленый лук 10 рубчиков. Сантехник работает три часа, берет десять рублей вознаграждение и говорит спасибо. Вроде бы доволен. Не потому что много, а просто чаще не дают вообще.

Моя дочка выписывается из хозрасчетного роддома, жалуется, что ребенка не разрешили сразу после родов поднести к груди. Во всем мире разрешают, а в Смольненском роддоме номер четыре - нет. Ей после западных больниц рожать было немного страшновато. Смольненский роддом номер четыре вообще против кормления грудью, потому что это негигиенично. Но зато в Смольненском роддоме номер четыре за двести рублей можно присутствовать на родах своей жены. Даже документов не спрашивают, но дешевле нельзя. В Смольненском роддоме номер четыре часто бывал Ильич! Но всё-таки нет двухсот рублей - дожидайся до утра. Утром тебе, может быть, покажут ребеночка из окошка третьего этажа. За показ вообще денег не берут. Не всё измеряется деньгами.

У меня родилась четвертая внучка. Через два месяца будет пятая. Детей у меня всего десять, поэтому дальше всё будет как снежная лавина. Когда внуков перевалит за двадцать, я посажу их рядами и сфотографируюсь в папаше на фоне гор.

Ленинградским ветеранам бесплатно вставляют желтенькие зубы. Трубы над Мечниковской больницей похожи на комбинат в Череповце. Они похожи на живым не выпустят. Рядом кавказский рынок надутых дынь. Говорят, что пробовать опасно. Штамп "проверено", но ему страшно довериться. Чеченцы прекрасно говорят на русском, но их женщины кричат низкими голосами и всё в мужском роде. Я так двадцать лет объяснялся на иврите, и меня прекрасно понимали.

Икра подорожала. Вместо доллара за сто сорок грамм она стала стоить целых два. Если так пойдет дальше, то нельзя будет питаться одной икрой. Я послал Лазарю в Иерусалим одну баночку, пусть нашей пищи попробует.

Анька сообщает грандиозные новости: Василий Иванович начал спускать воду в туалете. "Хи стартед фляшинг зе тойлет!". Я читаю Гилилова, и Василий Иванович уже три месяца ассоциируется у меня с актером Уильямом Шакспером из Страдфорда. По сохранившимся документам, Шакспера оштрафовали в Страдфорде за слив нечистот на улицу. Но это не помешало графу Ретфорду выбрать его в нетленные Шекспиры. Я тоже решаю выдать соседа за кого-нибудь из современников. И останавливаюсь на Бродском.

Василий Иванович Бродский. Неплохо! "Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, - писал Василий Иванович, - на Васильевский остров я приду умирать". Читатель 2498 года будет вне себя от восторга. Можно заложить стихотворение в водочную бутылку вместе с фотографией этой сволочи и зарыть лет на пятьсот. Хорошо бы и самого Василия Ивановича там зарыть. Но пока не выпадет снег, я решаю его не трогать. Снег заметёт все следы.

Я писал о старушке-химике возле нашего метро, но у меня есть ещё заграничная старушка-химик из Иерусалима - она печет там дешевые пирожки. Зовут ее Татьяна Ивановна. Она, конечно, русская старушка, кандидат наук, но ей дали пенсию по старости, еще пирожки и дочь на квартиру присылает. Но меня мучает другой вопрос, а где старики-химики? Я пока не встречал ни одного, и эта загадка требует своего решения.

Я купил себе семь книг Виктора Суворова, я абсолютно согласен с его доказательствами, что войну с Германией начала Россия. Почему-то Виктор Суворов с его идеей, что войну с Германией начал Сталин, никому не мешает тут жить. Молодое поколение примет без боли, как факт, что войну развязал Сталин - но его никто этим не нагружает. Но старшие поколения слышать единственную правду не хотят. Суворов - это поворот в культуре. Мне все равно, что о нем пишут снобы. Он владеет главной писательской тайной - он владеет энергией.

Дочка богатых соседей с ротвейлерами учится в китайской школе. Вчера она водила китайских студентов на "Дон Кихота", и они через пятнадцать минут ушли из зала. "Китайская товалися" не понимает нашего искусства. И проблемы у них свои. Зря их так любит моя интернационалистка-мама. В Иерусалиме китайцев уже видимо-невидимо: раббанут признал полтора миллиона китайцев абсолютно кошерными евреями. Но экстрасенс Луиза Виноградова считает, что евреев в Китае около четырех миллионов. Я решил: когда они все соберутся в Израиле, в этот момент я всё-таки туда вернусь. Я хочу увидеть четыре миллиона китайцев на улицах родного Иерусалима и спокойно отмищенным умереть.

На углу Братьев Васильевых живет женщина, которую я любил. Она живет на пятом этаже, но окно открывается редко, и на балкон она не выходит. Рыжий говорит: "Ты с ней встретишься, и ни у одного из вас не дрогнет сердце". Рыжий тоже был на ней женат, он знает. Даже точнее, сначала на ней женат был он, но я не придаю этому значения. А он правильную последовательность почему-то подчеркивает. Как будто от меня не уходили женщины. "Скоро мы сядем, как старые хрычи на завалинке, и ни одну из них не вспомним", - обещает мне Рыжий. Все-таки я жду этой встречи с замиранием сердца и хожу мимо ее дома в булочную. "Она уже давно бабушка! Перестань себя взвинчивать!" - говорит мне профессорская дочь, моя жена Женька. Люди иногда умеют быть удивительно неделикатны.

Мой сын Давид не может найти в Ленинграде хороший мартини. Ищет и не находит. Солдат израильской армии не может без мартини. Даже на доллары не

продают.

"Тебе нужно пореже ходить в театр! - говорит профессорская дочь Женька. - Театр на тебя производит слишком большое впечатление, потом ты целый день чего-то пишешь!"

Театр на Литейном. Все действие происходит на сцене. Пара железных кроватей, железное кресло. Трубы. Над головой шесть уровней грязной прозрачной пленки с кленовыми листочками. Какая-то трущоба на крыше. На дне, только на крыше. Я никогда не читал Пинтера. Помойки - чистая отрада для буржуа. Я на самом модном режиссере города по фамилии Бутусов. Фамилия в Ленинграде знаменитая. В тридцатых годах был футболист Бутусов, который убил ударом мяча обезьяну. Обезьяна стояла в воротах, кажется за сборную Турции. Зал занавешен тряпочками. Зал только угадывается во тьме. Меня начинает знобить, оттого что я на сцене. Если бы я был актером, я никогда бы из страны не уехал. Чтобы сцены не лишаться. Так же я бы никогда не уехал, если бы знал, что больше никогда не войду в операционный зал. Помыв руки двумя щётками, в бахилах с больничными печатями. Мне и сейчас ещё это снится.

Отличная идея - маленький зал без зрителей. Зрители не нужны. Происходит творчество в высшем смысле.

Текст сразу меня начинает раздражать. Странно, что обитатели этой трущобы говорят по-русски. Но зал доволен темой бродяг. Вернее, бродяга - один и ещё двое - полусумасшедших. Меня эта тема трогает меньше. Я жил за границей в ночлежках с полусумасшедшими, и я ни в коем случае не хочу снова туда себя помещать. Этот "убивающий мячом обезьян" отлично делал свое дело, но действие на таком близком расстоянии меня лично не подходило. Лучше сидеть на сцене в драмах из жизни куртизанок. Бродягу играет уютный еврей Фурман. Он похож на Будду в подштанниках и еще на моего друга Альку Чеповецкого. Алька поменял свою фамилию на израильский манер и заведует теперь поликлиникой на полдороге в Вифлеем. Он стал толстым и важным, даже женился на израильтянке. Мы уже лет пять из-за этого не разговариваем. Я не верю в женитьбы на самках не своего вида.

На сцене все сумасшедшие. И я. У тебя болезнь мозга, и мы ее будем лечить, - говорит Пинтер. Как я не хочу участвовать в лечении!

Каждый спектакль меня преследует одна и та же болезнь. Я свободный пока человек, и я не обязан сидеть тут в этом сумасшедшем доме оба действия. Но как уйти из такого крохотного пространства? Может быть, у меня поезд на Москву. У меня в руках журнал "Московский наблюдатель". Может быть, я именно этот наблюдатель. И хочу уйти. Потому что просто не могу схватить главной мысли автора. Наверное, этот спектакль обо мне. Герои одеты во все мои лучшие хламиды. Я узнаю все свои куртки с капюшонами. Я понимаю, почему теща хочет напаялить на меня пиджак. Но я не дамся.

Я хочу на улицу. Я хочу на темный после дождя Литейный. Я хочу купить свежий батон и молоко. Видимо, этот парень Пинтер тоже порядком сумасшедший. И он наставил тут удивительно твердые стулья. От них у меня

затекла каждая клетка таза! Две толстые бабки рядом не дают мне пошевелиться. Это часть замысла: посадить зрителя на самые жесткие стулья, между толстых бабок, чтобы они были нераздельной частью труппы. А у меня еще специальные стулья для контрамарочников. Чтобы у них так затекала жопа, чтоб не повадно было шляться в нищие театры без денег.

Только бы не нарваться на спектакль без перерыва. Нельзя сидеть так близко от сумасшедших. Это очень затягивает. Текст Пинтера абсолютно пуст, но все думают, что за этими глупостями есть высший смысл, и смеются. Сумасшедшие братья неистово разбивают и топчут Будду. На сцене зажигают свет. Хороший театр! Номерки вообще экстракласса: я нигде не видел таких тяжелых элегантных номерков. Я первым вырываюсь на воздух. Длинную Владимирскую яму закопали и покрыли импортным асфальтом. Здесь будут ходить бесшумные трамваи. Но пока вместо трамваев ходят одни пьяные ханыги. Но мысль гениальная - трамвай громыкает по всему городу, а потом въезжает на триста пятьдесят метров на бесшумный Владимирский и едет в абсолютной тишине. Он чувствует себя в Цюрихе. А потом трамвай свернет на Колокольную и снова начнет дребезжать. Отличный вечер, и спектакль мне понравился. Его можно отвезти обратно в Европу. Расходы небольшие: трое невысоких мужчин, две железные кровати, пять клеенок и трубы.

Первокласснице Тане дали на дом задачу, с которой она не справилась. Три мужских портрета, нужно только правильно разместить фамилии. Таня прожила всю жизнь в Иерусалиме, и она впервые видит этих людей. Изображены Суворов, Кутузов и Гагарин. Класс тоже в основном с задачей не справился.

Я проводил тест среди израильских старшеклассников. Я спрашивал, с какими странами граничит Израиль. Из двадцати правильно ответили только двое. Называли и Грецию, и Турцию, и "Саудию", и, конечно, Ирак. Сегодня все мои респонденты служат в израильской армии.

Сегодня седьмое ноября. Это мой праздник. В Канаде я испытал главный шок своей жизни, когда проснулся и вышел на улицу в десять утра седьмого ноября, и вокруг была обычная жизнь. Никакого праздника, ни военного парада - ничего! Я сразу понял, что канадцем мне не стать. К сожалению, я не ошибся.

Кофе давно уже стал подарком. Вообще еда - это хороший подарок. Кстати, если вы никогда не пробовали пельмени "Богатырские", то считайте, что вам крупно повезло. Но старушки никогда не пробуют эти пельмени.

Я не понимаю, что они друг другу дарят.

Я сижу и подделываю подпись израильского вице-консула. Не ездить же за ней в Москву. Я уже три раза бегал на почту напротив делать новые копии, у меня всё время получаются очень длинные хвостики. Техника очень простая: берешь старый документ, подписанный каким-то придурком, и мажешь его "типексом". Старые копировальные машины на почте делают такие мутные копии, что "типекса" не видно. Дальше пишете любой текст, а на нём уже готовая печать консула. В Израиле скажете, что получили его по факсу. У меня это не денежный документ. Кому я предъявляю такую бумагу, я решил не

писать, чтобы кто-нибудь не настучал. Не из подлости, а из национального чувства долга. Меня один раз так чуть не сдали военной разведке. Я возвращался в военной форме из Ливана. Шел 82-й год, и один знакомый офицер возил меня на фронт в свою часть. Но когда я возвращался домой, эта военная форма сослужила мне плохую службу. На иврите я не говорил ни слова, у меня был с собой только временный итальянский паспорт, и я ехал с фронта. Не быть бы мне кондово русским, чёрта с два бы меня выпустили. Тот знакомый офицер уже давно умер. Перед смертью он даже был вице-консулом в одном из государств СНГ. Но подпись я подделываю какого-то другого израильянина. Надо запретить консулам так сложно расписываться.

Профессорская дочь Женька хочет есть. Я ее спрашиваю: Хочешь гречки? Нет. Овсянки? Нет. Ядрицы? Нет. Пшенички? Нет. Манки хочешь? Нет. Ячменных хлопьев? Нет. Щец тебе сварю? Нет. Удивительная избалованность. Я не понимаю, чего она хочет. Я вообще плохо понимаю, чего хотят женщины. Деликатесами я её кормить не собираюсь. Деликатесы - на зиму. Вот начнётся тотальный голод, и мы будем есть деликатесы.

Мороз. Холодный ясный воздух. Приходится надевать два плаща. Пора покупать пальто, но жалко денег. Заливаю каток водой из глубокой лужи. Чёрной, грязной водой, а утром снова всё тает. Надо где-нибудь украсть дворницкую лопату. У меня, как у проститутки, мечта жить честным трудом, разгребать снег для людей. Если разбогатею - в следующем году постараюсь нанять за два доллара поливальную машину, если они еще существуют на свете.

Хочется лежать в Мертвом море, смотреть на небо и никогда оттуда не вылезать. Ближе к Содому вода лазоревого цвета. Скоро зацветут маки, арабки залезают в воду в платьях, немцы понаедут с псориазом. Неужели никогда в жизни не увидать мне больше Содома!

Женька, что у нас сегодня в театре?

- Ты знаешь, совершенно точные данные: у Виктюка в театре всего двое голубых. Причём один из них - электромонтер.

- Думаю, что врут. Но бывают еще скрытые голубые! Ты читала книгу "Мальчики и девочки"? Бывают левши, а бывают частичные левши: левша на левый глаз, левша на левое ухо, левша на левую почку, но хватит сегодня о театре.

Живя с Женькой, я стал большим специалистом по театру.

Репортаж 12

Несколько раз повторили, что цены на свечи не будут увеличиваться. Это меня начинает настораживать, похоже, что зимой придется писать при свечах.

Большие вклады держать в банках опасно - видимо, тайна вклада не сохраняется. На тебя наезжают и под пистолетом заставляют деньги снять. Бедным быть безопаснее, ты никому не нужен, кроме избиркома. Целый день к нам приходят избирательные старушки с избирательными листовками. Женька

не отпирает никому и говорит, что не прописаны, а я открываю дверь всем старушкам и обещаю голосовать за всех, раз они уже приперлись на восьмой этаж.

Хорошо бы основать партию старушек, я готов её возглавить.

Я говорю своей жене, профессорской дочери Женьке:

- Считай себя снова невестой!

- Невеста без места, - рассеянно отвечает Женька.

- Я хочу помочь тебе вернуться в твою привычную среду, в отчий дом! Ты не должна тратить свои душевные силы на такого никчемного человека, - говорю я и понимаю, что меня очень внимательно слушают. Я на верном пути.

- Неужели мы вместе выйдем в третье тысячелетие? - спрашиваю я профессорскую дочку.

- Нам бы до 200-летия Пушкина дожить! - отвечает она.

Мой сын, израильский солдат Давид посмотрел Ромео и Джульетту в БДТ и говорит, что, если очень нужно, он может ещё пойти в театр, но лучше бы не нужно. Только чтобы я не обижался. Через год он ещё раз приедет из израильской армии, и купит мне машину и ботинки "доктор Мартин". Чтобы я не ходил зимой в кроссовках. Я его успокаиваю, говорю, что мне все равно. Но он не верит.

Памперсы стоят восемьдесят рублей. Мы перестали их покупать. Памперсы восемьдесят, а банка сгущенки - восемь. За десять банок сгущенки пусть он ссытся на пол. Ковры можно убрать, не баре. Тем более, что ковры вытерты до дыр. Я столько лет за границей не мог позволить себе вволю поесть вареной сгущенки, что я не желаю, чтобы ее писали на ветер.

Не надо было заводить детей!

Ах, не надо было заводить детей? Половой жизнью мы больше не живем. Пока памперсы не подешевеют, я объявляю великий сексуальный пост.

Пока памперсы не подешевеют можно ещё ходить на Сезанна и на Сильфиду. Но лично я в Зимний дворец ходить не собираюсь. Когда я после десятилетнего перерыва попал в Эрмитаж, он показался мне заштатной коллекцией второразрядных картин. Сволочь Хаммер вывез все, что можно было вывезти. Я нанял себе румяную девку-экскурсовода с большой косой до попы.

Но это меня не спасло. Мне ужасно нравилась коса, мне ужасно нравилось, что я нанял себе девушку по сопровождению по музею, но уже через час я умирал со скуки. Картин много, но шедевров нет. Я сел на банкетку и заснул. Жуткий позор! Ни в Берлине, ни в Вене, ни во Флоренции со мной такого не случалось. Правда, я дважды засыпал в Ватикане. На меня действует католический дух. В Русском музее тоже тоска. Я хожу только на Филонова и еще на три картины. На картину Филонова можно купить очень много памперсов. Целый пароход памперсов. Хватит на всю жизнь.

Снег идёт три дня. Безумно хорошо. Я не хочу уходить с улицы. Катка мне оказалось мало. Я работал с одним шкетом, который, видимо, тоже меня обворовал. Ему не хотелось возвращаться домой, потому что его обещал убить

дед за то, что он прогулял школу и вчера украл и истратил бабушкину пенсию. Мы сделали хоккейные ворота и залили горку. Для основы мы притащили с помойки старый холодильник "Юрюзань" и батарею, и поставили их на кирпичи. Школьники идут из школы и обязательно всё ломают, но я с ослиным упрямством заливаю снова. Ломают не со зла, просто по дороге в школу что-нибудь хочется сломать, и горка не выдерживает. Я попросил профессорскую дочку разрешить мне снять полированную дверь в прихожей и вморозить её в горку, но она не разрешает. Весной можно было бы разморозить каток и поставить ее на место. Мамонты сохраняются много миллионов лет, что за одну зиму может произойти с полированной дверью!

Мальчишки расчистили рядом сквер и поставили "иглу". Все воры. Внутри курят и жгут газеты, чтобы замерзли оттаяли а потом замерзли стены. Мои воспитанники всё время что-нибудь воруют и предлагают мне перекупить свою добычу. Вчера украли прекрасную двойную лопату для катков. Я побоялся её перекупать и они сдали алюминий по цене лома. Взрослые никогда не помогают делать каток - только вот такая шпана.

Женька купила мне "словарь для молодежи". Там много новых слов. "Лохматка" - это женский половой орган. Мне очень нравятся молодёжные слова.

Каток помогают заливать брат и сестра Маша и Миша.

У них довольно ангельские личики, но это трудные дети. Они живут у интеллигентной бабушки - дворника, но неинтеллигентный дедушка говорит, что этих "ублюдков" нужно поместить в детский дом. Потому что они воруют все деньги, которые бабушка-дворник забывает спрятать. В прошлом месяце они украли две пенсии, и истратили их за полтора часа. У них стандартный семейный анамнез, к которым я начинаю привыкать. Папа убил маму, за то, что она встречалась с одним дяденькой, и получил восемь лет. Дяденька отделался ушибами. Третьего ребенка отдали другой бабушке в Воронеж. Там она хорошо учится в первом классе. А Миша с Машей в школе бывают редко, бабка бежит за внуками целыми днями по дворам, но за ними не угнаться.

Ко мне начали наведываться мормоны. Два румяных толстомордых америкоса, которых я нашел у помойки. Старейшина Палмер и старейшина Смит. Они рассказывают мне главные мормонские тайны, но денег жмоты не предлагают. Анька говорит, что "америкосы" и "негритосы" говорить нельзя. Надо говорить два "европоамериканца". Я прочитал их главную мормонскую Книгу. Там ни одного раза не употребляют слово "спасение". Это мне не очень подходит, но мне нравятся законы их штата. Почему они не присылают старейшин другого пола: я чувствую, что готов в мормоны, если они будут присылать девчат.

Приедут две румяные лохматки и я пойду в мормоны. Но мне старейшине Палмеру эти тонкости не перевести.

Я говорю своей жене Женьке:

- Ты слышала про штат Юта, со столицей Солк лейк сити? Там разрешено двоеженство!

- Какие еще мормоны? - спрашивает меня Женька.

Список моего курса. Космач - доктор мед. наук, Бобка Клементьев - доктор мед. наук, Боря Шашков - профессор зав. отделением, главный врач, главный врач, профессор-консультант. Ху из ху. Профессора, профессора, доктора наук, главные врачи, главврач тюремной больницы, завотделениями. Я завидую всем страшной завистью. Ужасно, что все это не из моей жизни. А где моя жизнь? Она нигде. Гинеколог специальной поликлиники творческих работников! Скорее даже работниц. Им мог бы быть я! Как бездарно пролетела жизнь. Я мечтал стать акушером-гинекологом волейбольной сборной. Я до сих пор еще думаю об этом, когда смотрю волейбол. Потому я и перестал быть гинекологом, что меня беспокоили эти мысли. Еще я мечтал стать председателем совета отряда, но дальше звеньевого я ни разу не поднялся. Бог шельму метит!

Я объясняю своей жене, профессорской дочке Женьке, что думать, что актер театра глобус Шакспер, этот Василий Иванович со своим молибденовым носом, мог быть создателем Ромео и Джульетты, значит допускать, что человек, не обладающий сверхкультурой, из ниоткуда, может сделать скачок к гениальным откровениям. В пример я обычно ставлю себя: если бы мне ещё хоть капельку сверхкультуры, разве я сидел бы здесь на этом колченогом стуле, разве я писал бы эти идиотские репортажи, период этот мне обычно не закончить. Разве я торчал бы безвыездно в этой благословенной стране, где красная икра дешевле сыра.

Открытый чемпионат Петербурга. Ветеранам и инвалидам бесплатно, но в первый сектор. Это из гуманности. Не ветеранам чего-нибудь, а просто ветеранам жизни. Я пришел на закрытые корты с инвалидом. По дороге мы долго карабкались по склонам обледеневшего парка Победы. Там есть места, где на одной ноге не подняться. И инвалид скатывался под горку. Но по глубокому снегу мы все-таки добрались до зала. Инвалида направили в первый сектор, а меня не пустили в первый сектор, потому что у меня был билет в третий сектор, а первый сектор специально предназначался для инвалидов. Правда, первый сектор не просто за пределами корта, но с него вообще не видно корта. И сначала я долго перелезал из третьего сектора к инвалиду, а потом мы долго перелезали с инвалидом поближе, чтобы было видно как Сафин бездарно играет со швейцарцем. Эти перелезания меня очень утомили, и до конца встречи я клевал носом. Всё-таки мне намного больше нравится женский теннис.

В городе начинается фестиваль театров. Из Москвы приезжает "Горе от ума" с Меньшиковым. Моя жена, профессорская дочь Женька, говорит, что в Москве есть такая тусовка: они не голубые, но с женщинами не спят. И Меньшиков у них главный. Я говорю Женьке, что мне очень нравится такая тусовка. И что нужно, чтобы туда пробиться? Она отвечает, что для этого нельзя спать с женщинами, это у них такой образ мыслей. Но я решаю, что цена очень завышена, и решаю туда пока не пробиваться. Еще в спектакле занята Екатерина Васильева и Мигицко. Екатерина Васильева играет не знаю кого, наверное, старуху Изергиль, а Мигицко - Репетилова. Все они не спят с женщинами.

Билеты стоят по четыреста рублей штука и контрамарок не достать.

Ну и черт с ними!

Обменный пункт в Пассаже. Вкладываешь туда доллары и с ужасом ждешь, появятся ли русские рубли. Чувствуешь себя полным идиотом. Особенно когда появляются рубли.

В России мне нет смысла нагибаться за деньгами - идешь выпрямившись, глаза сверкают от духовности и холодного счастья. На деньги, которые тут роняют, не купить даже спичек. В Иерусалиме - не так. Согнешься в три погибели и скрюченный бредёшь по базару, ищешь под ногами шекели. Особенно зимой, когда нет работы. Особенно перед началом субботы. Найдешь пару шекелей и долго ходишь по рядам, думаешь, чего бы еще купить. Маслинок черных мятых, авокадо с бочком, хумуса баночку можно взять грамм 250, фейхуа мягонькое, яблочек на варенье, кукурузки молоденькой, баклажанчик, клубнички январской всё это в шабат кушенькаешь. Я ненавижу материю! Но очень хочется мятых арабских маслин. Просто наваждение какое-то.

Моя жена, профессорская дочь Женька тихо бранится на кухне: "...я ни черта не понимаю в этой пьесе. У меня депрессия. Зав кафедрой даёт мне идиотскую тему, по которой я ничего не собираюсь писать. Ты покупаешь на редкость пересохшую икру и еще говоришь какие-то глупости про Станиславского. Весь мир считает его гением, а какой-то debil, невежда, который ничего о нём никогда не слышал, считает его "напыщенным самодовольным павианом". Откуда ты это взял?

Ты хоть понимаешь, что он был идеалом мужской красоты!? Женщины валялись у подъезда его дома. Ты просто примитивный идиот. Ты хуже Гезенцвея, который что-то невнятно бормочет про Чехова!"

- Так разводимся?

- Нет, ты никогда не увидишь развода!

- Но почему!?

- Исключительно из принципа.

Женька говорит, что мужчины обычно не любят выяснять отношения. Но, к сожалению, бывают исключения.

Репортаж 13

Голодаю седьмой день. Вечером я, наконец, поем. Что бы ни говорили любители голодания, но для меня - это сущая пытка. Меня утешает только, что профессорская дочь Женька к вечеру купит мне большой помидор, головку чеснока и сварит мне каких-нибудь овощей с солью. И я оттянусь. Нет ничего вкуснее этой первой еды после голода. А пока я в бане, я мирно парюсь. Господи, я у себя на родине. Я свой, я парюсь с моим голым народом в общем зале. Потому что люкс, черт его дери, работает только с девяти и ждать его целый час мне лень. Номерков больше не существует. Здесь не воруют, здесь больше нечего украсть, кроме кальсон. Я налил себе в тазик жёлтенькой

нездоровой водички, я зажал под мышкой веник. Я в царстве белой плоти. Я на старческом призывном пункте Союза ССР. Нас вместе с тазиками отсылают в Усть-Мартановский район Чечни. Мы суровые римляне, вот и римские цифры на башенных часах в предбаннике. Как быстро течет римское время! И кто напустил сюда столько страшных обрюзгших латинцев?!

Нас тут 27 голых человек с сабельными шрамами, 53 ноги. Передайте куда-нибудь в Галактику, что мы мирные люди, из нас можно на мыльном кафеле выложить слова "миру-мир". Вот читайте нашу доску объявлений! Помывка 3,5 рубля (раздевание, помывка, одевание), за помывку меньше часа оплата полная, за помывку больше часа доплата 26 копеек за каждые 5 минут. А в льготный понедельник час всего 1 рубль 05 копеек, а за каждые пять минут больше часа доплата всего девять копеек. Считайте, что если доллар стоит 25 рублей, то помывка в течение часа стоит 4 цента, а доплата каждые пять минут всего 0,37 цента, то есть в Чикаго даже нет такой валюты, и за лишние пять минут помывки в Чикаго доплатить просто невозможно. Эй, в Галактике, прилетайте к нам помыться!

Но я не советую вам прилетать в льготные дни.

Миша сегодня катался мимо нашего катка на лестнице троллейбуса. Мише восемь лет, а его сестре Маше скоро одиннадцать. Миша много катается на троллейбусах. Он висит сзади на лестнице, а ноги волочатся по асфальту. В трёх метрах за ним едет ряд легковых машин. Я бы так не смог. Вот это жизнь! Это покруче секса.

Девочка Маша уже неделю живет в подвале соседнего дома, чтобы её не убил дед. На этот раз она украла триста рублей из сахарницы. Бабушка-дворник в подвале чистенько прибрала, и Маша говорит, что совсем не страшно. По утрам Маша приходит к нам за питьевой водой, и я делаю ей бутерброд. Девочка Маша говорит, что если у неё родятся дети, то она этих уродов сразу утопит. Она вообще пока не хочет детей. Еду она ворует в магазинах, и всё-таки для одиннадцати лет она очень много курит.

Мой одноклассник всю жизнь работает на оборонном заводе. Говорит, что все разворовывают. Посылают снаряды в Индию, но те ничего не платят. Или кто-нибудь перехватывает снаряды по пути. Йоги. Но завод получает новый заказ из Индии, и безо всяких денег сразу начинает над ним работать. Зарплаты уже много месяцев никто не получает, но голодных бунтов нет. Все держатся за свои рабочие места и как-то выкручиваются. У кого огород. Кто ездит за грибами. Кто ставит сеточку.

Миноги, которые я закупил во время кризиса, оказались испорченными. Вот так проживешь жизнь, и никогда не попробуешь миног. Надо сразу всё съесть, нужно пользоваться жизнью и ничего не экономить. Не нужно оставлять запас красной икры, который после твоей смерти достанется неизвестно кому!

Хорошо бы ещё этими миногами накормить моего соседа Василия Ивановича, но как же его заставить их съесть, даже очень пьяного?

Наш учитель физики Николай Николаевич идет после запоя по Рубинштейна.

Во время этого запоя он ночевал у нас всего один раз, он спал под столом на кухне и пил только настойку боярышника. Хорошая вещь. Она на 70 градусном спирту, но её дают в аптеках без рецепта. Даже можно попросить в долг от аритмии. Получается на сто граммов по десять копеек за градус. Самая дешевая водка сейчас стоит втрое больше, Николай Николаевич считает это в доли секунды. На ступеньках маленького гастронома сидит рабочий магазина и допивает бутылку пива. На руке наколка, перстенок, ну типа "отсидел срок звонком", пара ходок, еще что-то такое. И рабочий сидит уже прилично поддавший. Физик мой спрашивает, "за наколки отвечаешь?" А тот говорит: "Ясное дело, отвечаю". Николай Николаевич хороший физик, кандидат наук, две монографии, я забыл на какую тему, кажется, по физике твердого тела, но во время запоя на него страшно смотреть. Запой у него не очень частые, раза три-четыре в год. И он говорит рабочему, "оставь, земля, глоточек". А рабочий вытирает рот и говорит, "отгадай загадку, и я тебе оставлю". Физик говорит, "ну, давай !".

- Что такое гугол?

А Николай Николаевич без секундной паузы говорит, "это единица в сотой степени". И они уставились друг на друга с очень большим удивлением. Рабочий не ожидал, конечно, что задрипанный и потёртый алкаш мог ответить на такой сложный вопрос, а Николаю Николаевичу тоже было от чего удивиться. И рабочий тогда ему говорит: "пойдем я тебе не глоток, а бутылочку пива куплю. Или держи червонец, и купи сам, какое хочешь". И Николай Николаевич купил себе Балтику, четверочку. Вот такая история.

Я говорю своей жене, профессорской дочке Женьке: "Неужели тебе не хочется снова стать невестой? Встретить человека своего круга, с высокими духовными запросами!"

Пока не удастся уговорить ее сделать решительный шаг и меня бросить.

- А твои родители отоварились? - заботливо спрашиваю я жену.

- Когда мы будем есть все, что ты закупил? - отвечает она мне вопросом на вопрос.

- Никогда! Это не для пожирания, это в высшем смысле!

- Все, что заплесневевает, я тебя заставлю прожевать, проглотить и съесть!

- Ты удивительная мещанка. А еще папа-профессор. Неужели ты не понимаешь, что к весне мы будем варить и есть мокасины.

Вообще непонятно, чего же люди едят? Пенсионеры рыщут по округе в поисках бутылок. Я тоже припрятал несколько бутылок из-под пива на антресолях. Бутылки от шампанского никто не принимает.

На Просвещения сегодня ночью шел снег. Но в квартире тепло, бесплатно телефон, вода. Газ - сущие копейки. Есть консервы и гречка, зиму можно выдержать.

Я получил письмо из Америки от одной докторицы:

It was so hot here that we broke some power cables and lost electricity in this region of the city. We walked up 32 stories in dark stairways, we had no water, no email!,

etc. But now we have air conditioning again and everything is "normal" (to the extent that it ever is).

Хорошо, что у нас нет небоскрёбов! 32 этажа пешком мне был бы не выдержать. И еще в руках полные сетки с продуктами, и подкуренные негры с ножами, которых и не увидеть в темноте! Им тоже нелегко, нечего злорадствовать. Но я продолжаю искать счастливое место на Земле, в котором захочется весело и беззаботно поджидать близкий конец света.

Звоню Фельке Залесову - он зав. отделением в платной поликлинике. Я не видел его двадцать семь лет.

- Феликс Владимирович?

- Да. С кем имею честь говорить?

- Это майор Степанцов из главного пожарного управления. Мы вас очень долго искали. Вы ведь служили в пожарных частях в 1970 году? Так вот вы были премированы медалью и денежным призом. Вы ведь были в первом карауле.

Клюнет или не клюнет?

Фелька всегда был жадноватым. Против денежного приза он ничего возражать не будет.

- Приз-то большой? - спрашивает он со смешком.

- Да в районе двух тысяч рублей уже набежало, считайте сто долларов. И прекрасная история для "Медицинской газеты"! Награда двадцать лет искала своего владельца! Но вам нужно будет участвовать в лыжном кроссе, 50 км для ветеранов, бежать можно медленно, вы же бывший мастер спорта!

Из небытия всплыл Саша Фрадис. Саша - дезертир американской армии. Во время Войны в Заливе он сбежал из армии, сел в тюрьму, потом появился у меня в Иерусалиме. Или наоборот. Много лет назад мы вместе работали в альплагере, я был врачом, а Сашка работал на кухне. Сейчас он привез в Москву из Германии выставку работ. Он служил офицером в американском корпусе в Мюнхене и там остался. Он не фотограф, у него театрализованные фотопостановки, но он снимает только нимфеток. Все-таки американская армия - это удивительный сексуальный сброд! Перед отъездом из Израиля Саша ночевал у моей подруги Кати Капович. Вечером они много пили. А утром, перед тем как поехать в аэропорт, он просунул голову в дверь и попросил, чтобы Катя его не провожала. Он так и сказал, "можешь не вставать". Катя встала попозже, оттого что в кухне очень пахло. Саша перед отъездом поставил электрический чайник на газ. Чайник обмяк и сам стал очень странной формы, стал похож на хорошенькую скособоченную нимфетку. Я не стал поддерживать с Сашей по телефону разговор о нимфетках. И я побоялся рассказать ему про Машу из подвала. Она - стопроцентная нимфетка. Хорошо бы никакой американский эстет её там не обнаружил.

Прибежали мальчишки, которые заливают со мной каток. Говорят, что у помойки лежит расчлененный труп. Жалуются, что взрослые его даже не могут прикрыть брезентом. Рядом стоит милиционер, пьет чай из термоса и ест

бутерброд с докторской.

Очень тяжело заливать каток, когда нужно переться с вёдрами с восьмого этажа. Хорошие дети не помогают мне заливать каток, потому что по утрам они ходят в школу.

Снег идет без конца. Хочется его пить, курить, купаться. Якутская кровь, с этим ничего не поделать. Профессорская дочка вышла со мной убирать снег. Я чувствую себя Макаренко. Может быть, у меня к ней, я боюсь этого слова. Иногда пятилетнего брака и двух сыновей недостаточно, но вдруг, когда фифа, с которой вы проживаете, выходит вместе с вами убирать снег, вы начинаете приглядываться к ней повнимательнее. Скорее всего, её выход с лопатой - чистейшая случайность. Может быть, она слышала, что мой каток показывали по телевизору. Других реальных причин я пока придумать не могу.

Старушки - смешной народ. Они любят сидеть на морозе и торговать. Идёт снег или дождь, но сидит очередь инициативных старушек, обхохочешься. Молодых берут в участок, а старушек милиция не трогает. Старушки и рады были бы, чтобы их увезли с мороза. Но куда их повезешь? И их там надо кормить, даже если это какая-нибудь специальная тюрьма для старушек или спецприемник. Да ещё теплой пищей. И милиция их почти бесплатно вообще не замечает. Торгуют кто чем, кто соленьем, кто вареньице варит. Попрячут свои ящики за Союзпечатью и под кустами, а утро наступает и уже снова тянутся с мешочками. Я довольно хорошо варю яблочное варенье и клубнику, скоро я натренирую себя на старушку и попробую с ними там зарабатывать. Правда, радиокомитет обещал заплатить мне за серию передач, но только двадцать семь рублей за семь передач. Это доллар с четвертью. На семь эта сумма вообще не делится, поэтому я не могу определить, сколько стоит одна передача.

Кондуктора обходят беременных женщин и женщин с новорожденными стороной. Денег с них не берут. В городе заговор кондукторов! Я тоже хочу стать кондуктором. Но я точно знаю, что я буду весь день ходить и зажимать билеты. А еще хуже, что я весь день буду считать, сколько раз по два рубля я уже наворовал, и всё время сбиваться, поэтому я пока не работаю.

- Что это у тебя на шкафу? - спрашивает меня Женька.

- Это тыква.

- Почему она не желтая?

- Она пожелтеет.

Мы все тут еще пожелтеем.

- Я за тебя держусь, - задумчиво говорит она, - только потому, что все остальные мужики еще хуже.

- Но достаточный ли это повод, чтобы портить мне жизнь?

- Достаточный.